

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

IV Международная научная конференция

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Самара

УДК 340 (082)
ББК 67
Г72

Главный редактор: *И. Г. Ахметов*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, Т. К. Абдрасилов, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, Х. О. Жураев, М. А. Игнатова, К. К. Калдыбай, А. А. Кенесов, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, Е. В. Матвиенко, М. С. Матусевич, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Б. Ж. Паридинова, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, А. Э. Сенцов, Н. С. Сенюшкин, Е. И. Титова, И. Г. Ткаченко, С. Ф. Фозилов, А. С. Яхина, С. Н. Ячинова

Руководитель редакционного отдела: *Г. А. Кайнова*

Ответственный редактор: *Е. И. Осянина*

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), К. М. Ахмеденов (Казахстан), Б. Б. Бидова (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), А. А. Демидов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), С. П. Жолдошев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), Е. П. Колпак (Россия), А. Н. Кошербаева (Казахстан), К. И. Курпаяниди (Узбекистан), В. А. Куташов (Россия), Э. Л. Кыят (Турция), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Ф. А. Нурмамедли (Азербайджан), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), Р. Ю. Рахматуллин (Россия), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), М. С. Федорова (Россия), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Г72 **Государство и право: теория и практика** : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2018 г.). — Казань : Молодой ученый, 2018. — iv, 46 с.

ISBN 978-5-905483-33-2

В сборнике представлены материалы IV Международной научной конференции «Государство и право: теория и практика».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 340 (082)
ББК 67

ISBN 978-5-905483-33-2

© Оформление.
ООО «Издательство Молодой ученый», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Коркин А.П.

Гарантии публичного права в рамках концепции Г. Еллинека в призме современной российской политической системы 1

Мальчиков Н.А.

Технология антикоррупционного просвещения 3

Паршин В.Н., Смирнова Н.А., Чернов Д.В.

О содержании понятия «кадровая работа» в государственном органе. 6

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Гаврищук С.В.

Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и российский конституционализм 10

Котова С.Г., Зорина Я.И.

Некоторые вопросы теоретико-правовых концепций мер государственного принуждения в Древнерусском государстве (XI–XII вв.) 13

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Ибрагимова Г.Ш.

Президент РФ в системе разделения властей. 15

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Амельченко И.Л.

Методологическая ситуация в правоведении (современный аспект) 17

Старичкова Л.И.

Развитие правового регулирования защиты чести и достоинства личности в Российской Федерации. 20

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Валкирный С.С.

Внесудебная защита авторских и смежных прав образовательных продуктов в сети Интернет 23

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Данилова Л.Я., Гринева О.В.

Особенности владения, пользования и распоряжения объектами совместной собственности супругов. 28

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Распутин Н.В.

К вопросу о роли прокуратуры в противодействии экстремизму. 31

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Некоз А.С.

Отличие законных методов расследования преступлений от провокации 34

Прохоров Э.А.

Причины возникновения коррупции в государственных закупках 37

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ**Никишкин Н.М.**

Правовое воспитание сотрудников уголовно-исполнительной системы 41

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**Хаткевич Н.А.**

Вступление нормативного правового акта в силу в Республике Беларусь 43

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Гарантии публичного права в рамках концепции Г. Еллинека в призме современной российской политической системы

Коркин Александр Павлович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В данной статье рассматривается работа профессора Георга Еллинека «Общее учение о государстве», в которой он сформулировал гарантии публичного права. Целью исследования является анализ работы гейдельбергского правоведа и попытка применения идей, заложенных более ста лет назад, к нынешним правовым реалиям Российской Федерации.

Ключевые слова: публичное право, гарантии публичного права, Георг Еллинек, теория государства и права

Работа профессора под названием «Общее учение о государстве» вышла в свет в 1900 году. В ней затрагиваются многие основополагающие понятия, касающиеся государственного устройства и правовой системы. Ввиду того, что труд написан на немецком языке, в процессе анализа, помимо оригинальных записей [1], был использован перевод приват-доцента Санкт-Петербургского Университета С. И. Гессена [2].

Сразу хотелось бы отметить: Георг Еллинек вошел в историю как один из ярчайших представителей немецкого позитивизма, следовательно, все его теоретические исследования составлены исключительно на этой основе. Поэтому видится логичным тезисно запечатлеть некоторые основы юридического позитивизма (монизма): право рассматривается как уникальный продукт государственной деятельности, а не абстрактно дарованная каждому человеку волевая возможность; возникновение права возможно только при существовании примитивного государственного устройства; имея политическое значение, теория юридического монизма влечет централизацию и «консервирование» общественного порядка [3, с. 125–126]. Обозначив некоторые аспекты позитивизма, обратимся к основной работе.

Итак, глава двадцать вторая, заключительная — «Гарантии публичного права».

В начале главы автор выводит тезис: «всякое право есть право действующее». Следовательно, для обеспечения существования права необходимо иметь гарантии, которые позволили бы преобразовать «абстрактные требования в конкретные действия». Однако профессор справедливо отмечает, что об абсолютных гарантиях не может быть и речи, им нет места в «человеческих учреждениях, всегда несовершенных».

Система подобных гарантий у каждого государства своя, соответствующая требованиям эпохи, но нечто общее выделить возможно. Так, ученый пишет о «тройного рода» гарантиях: социальных, политических и правовых.

К социальным относят «великие столпы» общества: мораль, религию и культуру, которые сдерживают возможный произвол против публичного права. Отмечено, что данные категории могут быть как правоохранительными, так и праворазрушающими, ведь не всегда общественные нравы соответствуют правовой доктрине.

Обратившись к современному российскому обществу, такую социальную гарантию возможно усмотреть в православной церкви и работах известных служителей. В частности, «Домострой», написанный протопопом Сильвестром в XVI веке, помимо общеизвестных правил домашнего хозяйства, содержит некоторые правила поведения в отношении действующей власти: в части о строении мирском («Как царя чтити») сказано о том, что бояр следует бояться и всяким образом им угождать, словно они — представители Бога на земле, что отчасти объясняет законсервированность, косность и правовой нигилизм, столь свойственный современной политической системе России. Для подтверждения позиции достаточно взять слова одного из самых известных представителей РПЦ, Протоиерея Всеволода Анатольевича Чаплина, который, выступая против показа художественного фильма «Матильда», прямо заявил: «Я, кстати, понимаю, почему наши недруги так бьются за «Матильду». Этот фильм — одна из последних попыток массированно опорочить монархию. Потому что именно в ней — основа стабильной, гармоничной, сильной будущей России» [4]. Монархия, о которой говорит служитель, и есть своеобразное проявление консерватизма со стороны РПЦ. А инициатором разбирательств по поводу картины выступила депутат Государственной Думы VII созыва, Наталья Владимировна Поклонская. Фильм все-таки вышел на экраны, а российская государственность, к счастью, не пошатнулась.

Конечно, сегодня мало, кто прямо чтит столь древнее учение как «Домострой» сознательно, но бессознательное следование некоторым принципам отрицать было бы

сложно, особенно находя подобный отклик в информационном поле.

Важнейшим же проявлением политических гарантий, согласно концепции, является разделение властей, упорядочивающее устройство государственных органов. Во многом вопрос сводится к границам полномочий главы государства (монарха) и выборных органов власти, если таковые имеются. Профессор Георг Елинек в этой части приводит опыт Античной республики, в которой разграничение власти между магистратами выступало действенным средством по «охранению их учреждений», а в развитом средневековом государстве политическое разделение власти *eo ipso* сводилось по большей части к антагонизму *gex* и *regnum*.

Разделению властей в России посвящено достаточно много исследований, обратимся к статье Г. М. Азнагуловой [5, с. 32–33]. Сам принцип разделения властей закреплен в ст. 10 Конституции Российской Федерации: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». Безусловно, существуют некоторые проблемы конституционного устройства, которым, собственно, и посвящено исследование. В частности, автор пишет, что жесткое размежевание традиционной триады было воспринято российским законодателем более чем догматично, что привело к тому (здесь авторская ссылка на одну из работ Ю. А. Дмитриева), что в ветви государственной власти вошли не все федеральные органы. Ведь существует дискуссия о том, куда же отнести такие органы, как прокуратуру, Счетную палату, Уполномоченного по правам человека, Центробанк и другие. На сегодняшний день, в частности, прокуратуру, законодатель формально относит к судебным органам власти, так как статьи, регламентирующие работу данного органа, включены в главу «Судебная власть», но, проанализировав Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», в то же время можно сделать вывод: в системе органов государственной власти прокуратура занимает особое положение, вне традиционной триады. Подобных размышлений и споров о фундаментальных принципах разделения властей, помимо работы Г. М. Азнагуловой, в науке можно найти достаточно много.

Обращаясь к правовым гарантиям, надо сказать о сложности данной категории. Она состоит из следующих взаимосвязанных элементов: контроля, индивидуальной ответственности, суда и средств правовой защиты.

Контроль как таковой есть проверка соответствия важных для государства процессов установленным правовым нормам. В двадцать второй главе рассматривается лишь правовой контроль. Профессор подчеркивает, что правовой контроль распадается сразу на несколько частей: административный контроль («осуществляемый высшим установлением по отношению к низшему, в последней инстанции — главою государства»), финансовый

контроль и, наконец, парламентский контроль, чье значение различается в зависимости от устройства конкретного государства.

Если проводить параллель с современным «контролем», то достаточно легко будет найти проявление каждый из перечисленных видов контроля. Возьмем для примера административный контроль. Выражен он в разветвленной системе органов государственной власти: начиная с Правительства и заканчивая органами государственной власти субъектов Федерации. Особое положение в данном аспекте занимает Президент, который координирует исполнительную власть и следит за тем, чтобы деятельность органов была плодотворной.

Следующим классом правовых гарантий является индивидуальная ответственность. Георг Елинек усматривает данный класс в непосредственной ответственности органов государственной власти, депутатов и отдельных чиновников перед государством. Ответственность реализуется либо через судебную власть, либо через институты дисциплинарной ответственности. В частности, профессор для примера раскрывает английскую систему девятнадцатого века, согласно которой преступные чиновники представляли перед особым судебным органом — палатой лордов. Позже такой институт был реципирован Америкой, но с известными модификациями. Англо-американский опыт, делает вывод правовед, стал основой для формирования института *Impeachment* в континентальной правовой системе. Особое политическое значение такой институт играет в парламентских формах правления.

Конечно, в Российской Федерации отдельного суда для чиновников не существует, однако система дисциплинарной ответственности достаточно развита. Она позволяет удерживать деятельность работников аппарата в нужном для государства русле. Ведь даже самый лучший стратегический план для развития отечественной государственности невозможно реализовать без некоторых обеспечительных условий, в данной случае — в виде санкций для руководящего административного состава.

Отправление правосудия — третий класс, выделенный автором, является функцией государства по защите публичного права. В подчинении суду всей системы публичного права усматривается некая основа для успеха, которого достигли государства в своем развитии к девятнадцатому веку.

В нашей стране судебная система подразделяется на Конституционный суд, Мировые суды субъектов, Верховный суд, Суды общей юрисдикции, Районные, Мировые, Военные, различные виды Арбитражных судов. Отметим, что судебная система в Российской Федерации очень развита. В настоящий момент выстраивается система оперативного реагирования на жалобы граждан, устанавливается в достаточной мере демократическая правовая атмосфера. Но, несмотря на стремление легитимизации судебной власти, ветвь далека от идеала. Государству предстоит огромная работа по созданию условий, при которых минимизируется возможность судебного произвола.

Средства правовой защиты же представляют гражданам (подданным) широкий спектр возможностей для их публичных прав. Надо сказать, что чиновники несут перед народом гражданско-правовую ответственность, а за нарушение прав и свобод может возникнуть даже уголовную ответственность, что не может не защищать правовой статус гражданина (подданного).

В Российской Федерации данный класс правовых гарантий реализуется в том числе в праве граждан на обращения (жалобы, заявления, ходатайства, предложения), которые адресованы в органы государственной власти и направлены не только на реализацию права граждан на участие в публичной жизни страны, но и на защиты их правового положения.

Литература:

1. Jellinek, Georg. Das Recht Des Modernen Staates VI: Allgemeine Staatslehre. 1900.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве. — 2-е изд. — СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н. К. Мартынова, 1908. — 588 с.
3. Артамонова Г. К., Горбашев В. В., Ретунская Т. П., Реуф В. М. Право и закон: естественно-правовая теория и юридический позитивизм // Юридическая наука: история и современность. — 2012. — № 2. — С. 122–128.
4. Протоиерей Чаплин: в монархии заключена основа стабильной и сильной будущей России // Рамблер/новости. URL: <https://news.rambler.ru/other/37660211-protiierey-chaplin-v-monarhii-zaklyuchena-osnova-stabilnoy-i-silnoy-buduschey-rossii/> (дата обращения: 24.02.2018).
5. Азнагулова Г. М. Проблемы рецепции идеи разделения властей Россией // Правовое государство: теория и практика. — 2013. — № 1 (31). — С. 30–36.

Технология антикоррупционного просвещения

Мальчиков Никита Алексеевич, магистрант

Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова (г. Абакан)

В данной статье автором раскрывается понятие коррупции, определены значение и приоритетность антикоррупционного просвещения, предложена концепция «идеальной» технологии антикоррупционного просвещения, реализация которой позволит максимально эффективно решать проблемы и восполнять пробелы в сфере просвещения в противодействии коррупции. Рассмотрены методы пропаганды, применимые в области антикоррупционного просвещения.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное просвещение, методы пропаганды, антикоррупционная пропаганда.

In this article, the author reveals the notion of corruption, the importance and priority of anti-corruption education is defined, the concept of “ideal” technology of anti-corruption education is proposed, the implementation of which will allow solving problems as effectively as possible and filling gaps in education in combating corruption. Methods of propaganda applicable in the field of anti-corruption education.

Keywords: corruption; anti-corruption education; methods of propaganda; anti-corruption propaganda.

Учитывая существующую коррупционную действительность, в которой по итогам 2016 года Российская Федерация занимает почетное 131 место (по данным Transparency International), доля его с Ираном, Казахстаном, Непалом и Украиной, соответственно из всех 176 стран, «индекс восприятия коррупции» в России находится между

В заключение статьи хотелось бы вместе с гейдельбергским профессором-позитивистом, Георгом Еллинеком, выразить надежду на лучшее будущее, в котором публичное право будет в достаточной мере обеспечено, будут созданы условия для полноценного гражданского и государственного сосуществование в условиях правового общежития, постоянно обновляющихся, актуализирующихся и совершенствующихся, ведь, как пишет правовед, «против потока мировой истории нельзя создать прочных плотин: он унесет бесследно такое творение рук человеческих».

Но одно, подводя итоги исследования, можно сказать точно — у Российской Федерации есть все шансы на такое светлое правовое будущее и оно обязательно наступит.

Парагваем и Гватемалой [1], вопрос совершенствования системы противодействия коррупции в различных общественных институтах российской действительности должен являться прерогативным.

Коррупция — это сложная системная проблема, присутствующая абсолютно во всех государствах, а не только

в развитых. Понимать её можно как коллизию между действиями человека занимающего определенную должность в какой-либо негосударственной организации и интересами его руководства (коммерческая коррупция), либо если гражданин занимает государственную должность, тогда его личные (коррупционные) интересы сталкиваются с интересами всего общества. Множество типов коррупции можно отнести к мошенничеству, которое совершается уполномоченным должностным лицом, и относится такая коррупция к преступлениям против государственной власти. Если совсем кратко, то коррупция — это злоупотребление доверенной кем-либо (работодателем, государством, народом) властью ради преследования личных интересов, и (или) получения личной выгоды. [2]

Просвещение же можно определить как: — инициированный государством процесс распространения среди граждан знаний, культуры, морали через комплекс воспитательно-образовательных мероприятий, посредством существующей или развиваемой системы специализированных институтов государства. [3]

Недооценивать значения просвещения категорически нельзя, ведь главная цель просвещения — повсеместное распространение информации, культуры и иных компетенций, которые помогают гражданам самостоятельно прийти к верному пониманию социальных устоев жизни общества, а также распространение каких-либо концепций, реализуемых государством, их насаждение в общественное сознание для привлечения граждан к реализации таких государственных идей. Именно просвещение позволяет государству сформировать необходимые модели поведения граждан, сгладить острые социальные, политические, финансовые, религиозные, культурные проблемы, уменьшить социальную напряженность, упростить процедуру социального лифта и как результат нивелировать социальное неравенство [4]. В сфере противодействия коррупции антикоррупционное просвещение носит в первую очередь характер превентивной, профилактической меры, ведь большинство коррупционных преступлений нельзя оправдать незнанием законодательства или следованию традиций общества. Поэтому задачу по донесению до гражданского общества сухой, нормативной и статистической антикоррупционной информации можно считать второстепенной

Изучив существующие нормативно-правовые акты, касающиеся антикоррупционного просвещения и в целом всей политике предупреждения коррупционных правонарушений, можно сделать вывод о том, что федеральная законодательная власть признает приоритетность и значение антикоррупционного просвещения, отмечает необходимость не только применения правовых мер за правонарушения в области коррупции, но и безусловную значимость превентивных мер. Несмотря на это каких-то конкретных, значимых и объемных документов, содержащих технологию антикоррупционного просвещения на данный момент не существует. Поэтому логично будет предложить концепцию

некой «идеальной» технологии антикоррупционного просвещения, реализация которой позволит максимально эффективно решать проблемы и восполнять пробелы в сфере просвещения в противодействии коррупции.

Первоначальным, стартовым этапом технологии антикоррупционного просвещения следует выделить разработку научной базы просвещения, в подготовку которой включены не только специалисты в области права, но и профессионалы в сфере психологии, педагогики, образования, PR-менеджеры, специалисты в области пропаганды и др.

На втором этапе технологии, должны собираться данные касающиеся сложившейся коррупционной ситуации в обществе, проведение различных социологических опросов, изучение субъектов просвещения на которые будет возложены соответствующие задачи, уровня их профессионализма. Это позволит государству приблизительно понимать уровень и объем усилий необходимых в области антикоррупционного просвещения.

Третьим этапом будет нормативное закрепление целей и основных задач просвещения в области противодействия коррупции, создание специализированных государственных органов координирующих деятельность субъектов просвещения. В содержание нормативно-правовых актов должны быть использованы результаты полученные в ходе реализации предыдущих этапов.

Разработка комплексной методологии, которая будет использоваться всеми субъектами просвещения, можно считать четвертым этапом. На данный момент наработки в этой сфере уже существуют, можно отметить Методические рекомендации «Организация антикоррупционного обучения федеральных государственных служащих», «Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции». Подобные рекомендации, либо документы на их основе разрабатываются практически всеми органами государственной власти и подведомственными им учреждениям. Также методические рекомендации по антикоррупционному просвещению разрабатываются и на уровне органов муниципальной власти, образовательных учреждениях разного уровня, но к сожалению эти методики, не имеют как глубокой, проработанной научной базы, так и системного характера, что в свою очередь не позволяет рассматривать как эффективный инструмент антикоррупционного просвещения.

Следующим этапом будет уже непосредственное внедрение разработанной антикоррупционной идеологии в гражданское общество. Одни и те же виды антикоррупционного просвещения используются как для широкого круга (СМИ, мероприятия, проводимые работодателями для сотрудников, распространение материалов антикоррупционного просвещения (буклеты, листовки, информационные стойки, трансляция видеороликов и др.) в общественных местах (больницы, банки и другие места приема посетителей в государственных учреждениях) граждан, так и для отдельных социальных институтов общества. Поскольку правовое

просвещение молодежи является очень важной задачей противодействия коррупции, до сознания такой категории граждан необходимо донести постулаты неотвратимости наказания за коррупционные правонарушения, создать модели поведения, предполагающие нетерпимость к проявлению коррупции. [5] Антикоррупционное просвещение должно быть хорошо спланированным и систематическим комплексом мероприятий. Необходимо постоянное повышение квалификации специалистов, занимающихся этим направлением просвещения.

Хотелось бы выделить в отдельный вид просвещения — антикоррупционную пропаганду. Несмотря на неоднозначное отношение к самому термину, пропаганда является весьма эффективным инструментом для достижения государством поставленных перед собой и обществом задач. Пропаганда оказывает сильное воздействие на мышление огромных целевых групп граждан, используя разные составляющие человеческой психологии, через различные эмоциональные, образные, познавательные и другие механизмы пропаганда способна изменить общественное сознание, сформировать и внедрить в общество новые алгоритмы антикоррупционного поведения. Рассмотрены только та небольшая часть методов пропаганды, которая могла бы применяться в области антикоррупционного просвещения. [6]

— **Авторитет.** Одна из самых распространенных и эффективных методик влияния — обращение к некому (политическому, религиозному, научному или др.) авторитету. Дополнительно, для большего эффекта, цитируются документы, приводятся доводы экспертов, предоставляются выдержки из каких-либо отчетов и других т. п.;

— **Обыденный рассказ.** Данная методика используется для придания информации «повседневного» характера. Не вызывая яркого, агитированного ажиотажа к какой-либо проблеме у общества формируется эффект психологического привыкания. Так используя обыденный рассказ для информирования о выявленных фактах коррупционных правонарушений, можно на подсознательном уровне граждан сформировать мнение о том, что деятельность органов правопорядка, четко налажена и обнаружение факта коррупционного преступления буднично и неотвратимо;

— **Эмоциональный резонанс.** Такая методика позволяет сформировать у целевой группы определенный психологический настрой, которой позволит легче внедрить необходимую информацию. Один из тезисов методов пропаганды звучит как: «в первую очередь нужно обращаться не к разуму, а к чувствам человека». Подсознательно выстраивая защиту от влияния пропаганды (в случае несовпадение жизненных ориентиров, и моделей поведения с пропагандируемой информацией), у человека формируется некая защитная система контраргументов, что сводит пропагандистский эффект к нулю. В случае когда пропаганда воздействует на эмоции, влияние оказывается за пределами сознательного контроля, и защитная система контраргументов не работает.

— **Социальная индукция.** Первым проявлением социальной индукции можно считать один из основных человеческих инстинктов — инстинкт подражания. Эмоции и чувства, которые испытывает человек, это не только внутри-личностное, но и социальное явление. Доказанным фактом является то, что воздействовать на большую человеческую группу, намного легче чем на отдельную личность. «Эффект толпы» (спонтанно возникающее множество людей, которые первоначально не связаны общей осознаваемой целью), позволяет индуцировать эмоции большинства на каждую отдельную личность, при этом испытываемые эмоции значительно интенсифицируются, а психологический барьер восприятия информации снижается в разы.

— **Социальные медиаторы.** Эта методика опирается на две основные аксиомы. Первая из них предполагает, что максимальное воздействие на формирование модели социального поведения у человека осуществляет не информация в СМИ, а возникающие в социуме частные мнение, слухи и мифы. Вторая аксиома является следствием первой: наиболее эффективным будет влияние оказываемое через важные для отдельной личности (или целевой группы), социальные медиаторы (авторитетные люди или такие же значимые социальные группы). Социальные медиаторы посредством использования своего авторитета транслируют необходимую информацию, подтверждая или отрицая возникающие домыслы, слухи, и легенды. Неофициальные межличностные коммуникации для социума всегда являются наиболее значимыми, чем «официальная» информация транслируемая через СМИ.

— **Комментарии.** Комментарии помогают создать нужный контекст восприятия информации, направить мысли человека в необходимое (одобренное инициатором пропаганды) русло. Интерпретация любого освещаемого факта или события должна предлагать целевой аудитории несколько логичных (хотя бы на первый, поверхностный взгляд), правдоподобных и легких для восприятия вариаций отношения к этому событию. В результате у целевой аудитории формируется «собственное мнение», основанное на внешних предпосылках и объяснениях. [7]

При включении методик антикоррупционной пропаганды в общую технологию просвещения важно учитывать «эффект бумеранга». Так переусердствовав с количеством подаваемой информации, выражающей негативное отношение к правонарушителям в сфере коррупции, преодолевается некая грань осуждения, и в итоге такие правонарушители начинают вызывать положительные эмоции (жалость, а в крайнем случае и симпатию) у целевой аудитории. Также при перенасыщении информацией одинакового содержания у целевой аудитории возникает информационная невосприимчивость и раздражение. [8]

Последним этапом технологии антикоррупционного просвещения будет проведение мониторинга мероприятий антикоррупционного просвещения, с целью оценки их эффективности, выявления существующих пробелов и неохваченных каких-либо сегментов гражданского общества.

По результатам реализации последнего этапа, формируются сводные доклады, информацию из которых законодатель должен использовать для повышения эффективности антикоррупционного просвещения.

Важно отметить, что для эффективного функционирования технологии антикоррупционного просвещения важна непрерывность цепочки этапов, по завершению последнего этапа, должен вновь начинаться первый, в котором будет учитываться и разрабатываться информация о выявленных пробелах и недостатках.

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать что большим эффектом обладает не констатация фактов, а их интерпретация. Основной методикой антикоррупционного просвещения является упорядочивание, структурирование массивов информации, которая передается от коммуникатора (субъекта просвещения) к реципиенту (объекту

просвещения). Инициатором антикоррупционного просвещения выступает государство, оно же определяет содержание и используемую технологию. Исполнителями в эффективной модели просвещения выступают не только государственные органы и учреждения, но и различные общественные и профессиональные объединения, а конечным звеном — институт семьи. Также следует отметить, что специфика и выбор методов просвещения в области противодействия коррупции, определены главной целью — предупреждение коррупционных правонарушений, посредством создания правомерных алгоритмов поведения и формирования негативного отношения ко всем проявлениям коррупции. Из-за сложного, системного характера коррупции законодателю недостаточно использовать только декларативно-правовые методы просвещения, нужно использовать все доступные методики.

Литература:

1. Индекс восприятия коррупции 2016 г. [Электронный ресурс] // Официальный портал неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией Transparency International [сайт] URL: https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016 (дата обращения 01.11.2017).
2. Головин А. Ю., Дубонос Е. С., Ковалев С. Н. Антикоррупционное воспитание в сфере высшего профессионального образования (по опыту работы Тульского государственного университета) // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 1–2. С. 3–16.
3. Малер-Матязова Е. «Что такое Просвещение?» — (философский ответ И. Канта и вопрос М. Фуко // По материалам Международного конгресса, посвященного 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Иммануила Канта М.: ИФ РАН, 2005.
4. Каменева В. А. Манипуляция и/или пропаганда? Функциональные особенности социальной рекламы // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 35–39.
5. Кабанов Павел Александрович Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4 (32). С. 42–51.
6. Чогандарян М. Г. Методы, способы и приемы советской пропаганды в 1920–30-е гг. XX в // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 181–183.
7. Вилясова Н. В., Сасина К. В. Комиссия по делам несовершеннолетних — главный рычаг в борьбе с преступностью несовершеннолетних // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 41. — С. 49–54.).
8. Пую Ю. В. Антропология манипулирования // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2010. № 2. С. 61–67.

О содержании понятия «кадровая работа» в государственном органе

Паршин Вячеслав Николаевич, начальник отдела;
Смирнова Наталья Александровна, главный специалист;
Чернов Дмитрий Владимирович, старший инструктор
Комитет по информатизации и связи г. Санкт-Петербурга

Ключевые слова: *государственный орган, кадровая работа, кадровое строительство, ведомственный контроль за соблюдением трудового законодательства, государственный гражданский служащий, кадровое делопроизводство.*

Известный русский языковед Сергей Иванович Ожегов [1] определил понятие термина «содержание» как единство всех основных элементов целого. Следуя трактовке термина «содержание», авторы статьи рассматривают

содержание понятия «кадровая работа» в органах государственной власти (далее — кадровая работа) как совокупность ее составляющих элементов. Какие составляющие элементы входят в содержание понятия «кадровая работа»

на современном этапе? Вопрос не праздный и требует уточнения, потому что, как показывает практика, в настоящее время кадровая работа усложняется.

Одним из основных документов, раскрывающих содержание понятия «кадровая работа», является Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] (далее — Федеральный закон). Так, кадровая работа включает в себя:

- 1) формирование кадрового состава для замещения должностей гражданской службы;
- 2) подготовку предложений о реализации положений настоящего Федерального закона, других федеральных законов и иных нормативных правовых актов о гражданской службе и внесении указанных предложений представителю нанимателя;
- 3) организацию подготовки проектов актов государственного органа, связанных с поступлением на гражданскую службу, ее прохождением, заключением служебного контракта, назначением на должность гражданской службы, освобождением от замещаемой должности гражданской службы, увольнением гражданского служащего с гражданской службы и выходом его на пенсию за выслугу лет, и оформление соответствующих решений государственного органа;
- 4) ведение трудовых книжек гражданских служащих;
- 5) ведение личных дел гражданских служащих;
- 6) ведение реестра гражданских служащих в государственном органе;
- 7) оформление и выдачу служебных удостоверений гражданских служащих;
- 8) обеспечение деятельности комиссии по урегулированию конфликтов интересов;
- 9) организацию и обеспечение проведения конкурсов на замещение вакантных должностей гражданской службы и включение гражданских служащих в кадровый резерв;
- 10) организацию и обеспечение проведения аттестации гражданских служащих;
- 11) организацию и обеспечение проведения квалификационных экзаменов гражданских служащих;
- 12) организацию заключения договоров о целевом приеме и договоров о целевом обучении;
- 13) организацию профессионального развития гражданских служащих;
- 14) формирование кадрового резерва, организацию работы с кадровым резервом и его эффективное использование;
- 15) обеспечение должностного роста гражданских служащих;
- 16) организацию проверки достоверности представляемых гражданином персональных данных и иных сведений при поступлении на гражданскую службу, а также оформление допуска установленной формы к сведениям, составляющим государственную тайну;
- 17) организацию проведения служебных проверок;
- 18) организацию проверки сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера,

а также соблюдения гражданскими служащими ограничений, установленных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами;

19) консультирование гражданских служащих по правовым и иным вопросам гражданской службы.

Комментируя положения Федерального закона находим, что кадровая работа в своем содержании охватывает такие укрупненные направления как:

- кадровое делопроизводство;
- работу по урегулированию конфликта интересов;
- обеспечение прохождения государственной гражданской службы;
- целевой прием и целевое обучение;
- профессиональное развитие гражданских служащих;
- правоприменительную деятельность (проведение служебных проверок);
- работу по проверке сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также соблюдения гражданскими служащими ограничений, установленных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами.

Рассматривая положения Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» [3] находим, что содержание понятия «кадровая работа» схоже с содержанием понятия «кадровая работа», определенном в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

В статье 80 Федерального закона от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] кадровая работа определяется как выполнение комплекса мероприятий по подбору, постановке, воспитанию и продвижению кадров. Обращает на себя внимание новое укрупненное направление в кадровой работе — воспитание кадров.

Новым укрупненным направлением, включённым в понятие «кадровая работа», относится работа по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Ряд нормативных правовых актов прямо определяют это.

В частности, распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 30.11.2009 № 135-рп (ред. от 14.09.2016) «О мерах по профилактике коррупционных и иных правонарушений в исполнительных органах государственной власти Санкт-Петербурга» [5], распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 27.01.2006 № 4-рп «О Примерном положении о подразделении исполнительного органа государственной власти Санкт-Петербурга по вопросам государственной службы и кадров» [6].

Анализируя задачи и полномочия подразделения исполнительного органа государственной власти Санкт-Петербурга по вопросам государственной службы и кадров, определенные в примерном положении о подразделении исполнительного органа государственной

власти Санкт-Петербурга, утвержденного распоряжением Правительства Санкт-Петербурга от 27.01.2006 № 4-рп, приходим к выводу, что кадровая работа в своем содержании включает следующие укрупненные направления:

- кадровое строительство;
- обеспечение прохождения гражданскими служащими государственной гражданской службы;
- обеспечение реализации трудовых правоотношений лицами, замещающими должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы;
- дополнительное профессиональное развитие гражданских служащих;
- работа по профилактике коррупционных и иных правонарушений в органе государственной власти и подведомственных предприятий и учреждений;
- нормотворческая работа;
- работа по оформлению документов по допуску к сведениям, составляющим государственную тайну;
- работа по проверке достоверности и полноты сведений об адресах сайтов и (или) страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на которых претенденты на замещение должности гражданской службы и гражданские служащие размещали общедоступную информацию, а также данные, позволяющие их идентифицировать;
- кадровое делопроизводство;
- обеспечение реализации трудовых отношений директорами подведомственных предприятий и учреждений;
- работа по ведению автоматизированной информационной системы «Управление персоналом государственных органов в исполнительных органах государственной власти Санкт-Петербурга»;
- работа по формированию кадрового резерва органа власти;
- работа по формированию управленческого резерва субъекта Российской Федерации;
- работа по формированию кадрового резерва для замещения вакантных должностей руководителей подведомственных предприятий и учреждений;
- обеспечение соблюдения гражданскими служащими ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов, исполнения ими обязанностей;
- аналитическая работа (анализ сведений: о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных гражданами, претендующими на замещение должностей гражданской службы в исполнительном органе власти; о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных гражданскими служащими; о соблюдении гражданскими служащими требований к служебному поведению; о соблюдении гражданами, замещавшими должности гражданской службы в исполнительном

органе власти, ограничений при заключении ими после увольнения с гражданской службы трудового договора и (или) гражданско-правового договора в случаях, предусмотренных федеральными законами);

- работа по сбору, проверке и размещению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера гражданских служащих, их супругов и несовершеннолетних детей, а также сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера руководителей государственных учреждений, подведомственных органу власти, их супругов и несовершеннолетних детей на официальном сайте исполнительного органа власти;
- консультативная работа;
- обеспечение работы комиссий: аттестационной; конкурсной; квалификационной; по присвоению квалификационных категорий;
- по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов; по противодействию коррупции;
- работа по проведению служебных проверок;
- наградная работа;
- антикоррупционное просвещение;
- работа по рассмотрению обращений граждан;
- работа по размещению информации о кадровом обеспечении органа власти на официальном сайте государственного органа.

Давая первичную оценку перечисленному списку укрупненных направлений, составляющих кадровую работу (далее — список), находим, что список довольно внушительный, а укрупненные направления весьма трудоемки. Но этим списком не заканчивается пополнение составляющих кадровую работу. Продолжим.

Распоряжением Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга от 05.12.2017 № 221-р утвержден Порядок осуществления исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга ведомственного контроля за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, в подведомственных им организациях» [7] (далее — Порядок). Порядок регламентирует ряд важных организационных положений, среди которых положение о создании структурного подразделения по осуществлению ведомственного контроля либо назначении соответствующего должностного лица, уполномоченного осуществлять ведомственный контроль. Практика показывает, что осуществление ведомственного контроля за соблюдением трудового законодательства в подведомственных организациях обоснованно возлагается на кадровые подразделения государственных органов.

Реалии нашего времени определяют еще одно крупное направление деятельности, как подтверждает многолетняя практика, входящее в работу кадровых подразделений. Это работа по охране труда. Направление деятельности

касается как гражданских служащих, так и лиц, замещающих должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы. Взаимосвязь кадровой работы и работы по охране труда очевидна. В частности, класс условий труда на рабочем месте, определенный специальной оценкой условий труда, обязательно отражается в трудовом договоре. Где наиболее часто встречается возложение работы по охране и безопасности на кадровые подразделения? Ответ.

В основном на небольших в количественном составе организациях, в которых наиболее оптимально сочетается решение кадровых вопросов и вопросов по охране труда.

Вектор развития кадровой работы формально указывает на то, что кадровые службы государственных органов уже занимаются вопросами по охране труда. В частности, об этом свидетельствует Положение об Управлении административно-кадровой работы Федерального

дорожного агентства, утвержденное приказом Росавтодора от 01.10.2014 № 319 [8] (далее — Положение). Так, в Положении закреплено, что на кадровое подразделение возлагается работа по охране труда в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации.

Важным направлением деятельности кадровых подразделений является проведение антикоррупционного мониторинга. Данное направление обоснованно входит в повседневную деятельность кадровых служб в государственных органах, так как последние ведут деятельность по профилактике коррупционных и иных правонарушений.

В итоге, обобщая вышеприведенные положения законодательства, авторы предпринимают попытку схематично представить содержание понятия «кадровая работа» через укрупненные составляющие. Конечно, данная схема раскрывает содержание кадровой работы в государственном органе условно (См. таблицу 1).

Таблица 1

Кадровое строительство	Обеспечение прохождения гражданскими служащими государственной гражданской службы	Обеспечение реализации трудовых отношений лицами, замещающими должности, не являющиеся должностями государственной гражданской службы
Кадровое делопроизводство и обеспечение деятельности комиссий (аттестационной; конкурсной; квалификационной и др.)	Кадровая работа в государственном органе	Обеспечение реализации трудовых отношений директорами подведомственных предприятий и учреждений
Работа по профилактике коррупционных и иных правонарушений в органе государственной власти и подведомственных организациях		Ведомственный контроль за соблюдением трудового законодательства в подведомственных организациях
Антикоррупционный мониторинг	Воспитательная работа	Охрана труда

В заключение хочется отметить важность работы по уточнению содержания понятия «кадровая работа». Почему? Потому что от этого зависит:

- подбор и подготовка кадровиков для государственных органов (в настоящее время к кадровику предъявляются высокие требования к знаниям и умениям, его опыту и практике),

- создание и комплектование кадровых подразделений,
- обобщение достижений отечественных кадровых практик,
- формирование оценочных критериев работы кадровых подразделений,
- учет и осознание нагрузки, возлагаемой на кадровые подразделения.

Литература

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. — 17-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1985. — 797 с.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
5. Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 30.11.2009 № 135-рп «О мерах по профилактике коррупционных и иных правонарушений в исполнительных органах государственной власти Санкт-Петербурга».
6. Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 27.01.2006 № 4-рп «О Примерном положении о подразделении исполнительного органа государственной власти Санкт-Петербурга по вопросам государственной службы и кадров».
7. Распоряжение Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга от 05.12.2017 № 221-р.
8. Приказ Росавтодора от 01.10.2014 № 319.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и российский конституционализм

Гавришук Светлана Витальевна, преподаватель

Сахалинский промышленно-экономический техникум (г. Южно-Сахалинск)

Одной из весьма важных исследовательских проблем в современных политических условиях, несомненно, является проблема российского конституционализма. Российский конституционный процесс с трудом укладывается в линейную перспективу развития. Он имеет свои взлеты и падения, свои периоды прогрессивной эволюции и регресса, свои реформаторские планы и неудачные попытки их воплощения на практике. Современное конституционное развитие России является составной частью политико-правовых реформ и модернизации российского общества и государства на протяжении XIX—XX веков. Становится особенно актуальным анализ политико-правовых проблем формирования российского конституционализма.

Конфликт общества и государства, развиваясь в русском историческом процессе, порождал стремление разрешить его путем установления общественного контроля над властью. В этом смысле основные этапы становления российского конституционализма, в принципе, схожи с теми, которые имели место в Западной Европе, в значительной степени воспроизводят их основные руководящие идеи либеральных ценностей прав личности, правового государства и гражданского общества. Однако основная цель этой политической философии состояла в том, чтобы учесть особенности русского исторического процесса, специфику политического строя и политической культуры России и на этой основе наметить пути достижения социального идеала [10, с.5].

Реально проблема ограничения самодержавия и перехода к конституции была поставлена в политико-правовую плоскость в ходе первой русской революции 1905—1907 годов. Именно в этот период проблема политико-правовой модернизации России получила возможность практического осуществления. Однако реализовать удалось только октроированный вариант дуалистической монархии, важнейший шаг к которой был сделан Николаем II путем принятия 17 октября 1905 г. Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка».

Император Николай II принял Манифест в результате срыва выборов и созыва «булыгинской» законодательной Государственной Думы, под воздействием Всероссийской политической стачки, а также под сильным

давлением некоторых членов царской семьи и ряда сановников, среди которых особо необходимо отметить С. Ю. Витте.

«Можно без всякого преувеличения сказать, что вся Россия пришла в смуту, — писал в те дни С. Ю. Витте, — и что общий лозунг заключался в крике души: «Так дальше жить нельзя», другими словами с существующим режимом нужно покончить» [4, с.557].

По просьбе Николая II, лихорадочно искавшего выход из создавшейся ситуации, Сергей Юльевич Витте, незадолго до этого вернувшийся с Портсмутских переговоров, проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что существовала альтернатива: военная диктатура или конституция. Оставаясь убежденным монархистом, он, тем не менее, вынужден был признать неизбежность модернизации государственного строя, понимая ее как приспособление самодержавия к современному этапу общественного развития. «В конце концов, — писал он, — я убежден, что Россия сделается конституционным государством де-факто, и в ней, как и в других цивилизованных государствах водворятся основы гражданской свободы... Вопрос лишь в том, совершится это спокойно и разумно или вытечет из потоков крови. Как искренний монархист, как верноподданный слуга царствующего дома Романовых, как преданный деятель Николая II, к нему в глубине души привязанный и его жалеющий, я молю бога, чтобы оно совершилось бескровно и мирно» [5, с. 323].

13 октября, император поручил Витте подготовить проект манифеста. По поручению Витте этот проект был написан А. Оболенским. В этом варианте проекта говорилось, в частности, о незамедлительном предоставлении русским гражданам политических свобод, содержались прозрачные намеки о введении всеобщего избирательного права. Речь шла о том, чтобы «составить предположения, по которым не могло бы найтись в отечестве нашем таких разрядов лиц, кои вовсе устранены бы были от выборов» [2, с.86]. Не остались без внимания и социальные вопросы — в проекте говорилось о необходимости удовлетворения нужд железнодорожных рабочих. Этот проект показался Витте чересчур радикальным, и из него были вычеркнуты пункты, касавшиеся рабочих, изъято предложение о всеобщих выборах.

15 октября состоялось продолжительное совещание. Витте еще раз выдвигал выбор — диктатура или конституция. Великий Князь Николай Николаевич, только что приехавший из своего имения под Тулой через охваченную забастовкой страну, решительно стал на сторону Витте. Уже обсуждался проект манифеста, написанный Оболенским, обещавший свободы и законодательные права для Государственной Думы. Но после многочасовой беседы государь в заключении только сказал: «Я подумаю» [12, с. 287].

Император находился в мучительных сомнениях и медлил с принятием решения, выбирая наиболее безболезненный вариант разрешения кризиса.

17 октября 1905 г. Николай II подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» в редакции Витте. Он вынужден был согласиться на введение народного представительства иного образца, чем предполагалось по манифесту 6 августа 1905 г. «Об Учреждении Государственной Думы».

В этот же день Николай II сделал запись в своем дневнике: «Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, умири Россию» [8, с.285]. Спустя год, когда в российских храмах служили торжественный молебен по случаю счастливого спасения монархии, император записал в дневнике: «Годовщина крушения и мучительных часов прошлого года! Слава Богу, что оно уже пережито» [8, с.338].

Позднее С. Ю. Витте также написал: «Этот акт, конечно, не был добровольным в том смысле, что царь никогда не согласился бы осуществить «напрасные мечтания», если он не видел бы, что в данный момент у него нет другого выхода, обещающего успокоение» [6, с.595].

В письме к матери 19 октября 1905 г. он так прокомментировал это решение: «Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силою; но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы неминуемо к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы вперед не могли осуществляться бы.

Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательство, проводить всякий законопроект через Государственную думу — это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что он хоть и рискованный, тем не менее, единственный в настоящий момент. Почти все, к кому я ни обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода, кроме этого нет» [3, с. 166].

В соответствии с манифестом 17 октября в государственное устройство страны были внесены принципиальные

изменения. Так, самодержавная, власть ограничивалась отныне представительными учреждениями, дарованные политические свободы красноречиво свидетельствовали о начале эволюции феодальной монархии в буржуазную. Манифест утверждал основы гражданской свободы и избирательного права. Провозглашалась неприкосновенность личности, свобода совести, слова, союзов и собраний. Те классы населения, которые ранее были совсем лишены избирательных прав, получили право участия в выборах. Было установлено «... незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия за закономерностью действий, поставленных от нас властей» [1].

После подписания Манифеста издается ряд нормативно-правовых актов, которые влияют на изменение государственного строя Российской империи. 11 декабря 1905 г. издается указ «Об изменении положения о выборах в Государственную Думу», который значительно расширяет число избирателей.

20 февраля 1906 г. были обнародованы два весьма важных указа: «Учреждение Государственной думы» и «О переустройстве учреждения Государственного совета» и высочайший манифест «Об изменении учреждения Государственного совета и пересмотре Учреждения Государственной думы». В соответствии с манифестом Государственный совет преобразовывался в верхнюю палату парламента.

Чтобы понять правовое значение манифеста, необходимо обратиться к оценкам, данным ему учеными-юристами. Правовая литература начала XX века единодушно связывала с его появлением переход к конституционному строю.

В исторической и юридической литературе советского периода признавалось, что манифест провозглашал начала буржуазного конституционализма. Это полностью соответствовало ленинским оценкам манифеста 17 октября 1905 г.: «Царский манифест обещает прямую конституцию: Дума получает законодательные права, ни один закон не может войти в силу без одобрения народными представителями, дарована ответственность министров, дарованы гражданские свободы, неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов» [9.30].

А. М. Давидович считал установившийся строй конституционным самодержавием [7, с.291].

У советских ученых не было единства мнений о реальном влиянии этого документа на российскую государственно-правовую действительность. Так, С. М. Сидельников утверждал, что «манифест не внес никаких изменений ни в организацию государственной власти, ни в юридические отношения между властью и населением», а следовательно, «конституционный по форме и содержанию манифест не ограничивал самодержавия» [13, с 43]. Иной точки зрения придерживался Е. Д. Черменский. Не соглашаясь с теми, кто считал формальным ограничение власти

монарха после принятия манифеста, он писал: «В действительности после опубликования Основных законов 1906 г. царь не только формально, но и практически отказался от двух важных прерогатив — неограниченного права законодательства и автономного распоряжения государственным бюджетом... Вот почему на вопрос, сохранился ли абсолютизм в России и после 1905 г. или она перешла к конституционной форме правления, нельзя дать однозначный ответ. Нам представляется, что после 1905 г. в России была конституция, но узкоцензовая, более или менее призрачная, более или менее фиктивная» [14, с.178].

Был ли манифест 17 октября 1905 г. первой российской конституцией? С момента подписания Николаем II манифеста 17 октября 1905 г. и вплоть до подписания им же акта об отречении от престола в марте 1917 г. Россия уже не была абсолютной монархией. Прежде не ограниченная ничем власть императора ограничивалась народным представительством, наделенным законодательными полномочиями. Однако Россия не стала и конституционной монархией в классическом виде, где народ реально принимал участие в законодательстве и управлении. Весь недолгий период думской монархии (1906 — февраль 1917 гг.) представительство народа носило иллюзорный характер вследствие неразвитости демократических институтов, соглашательской позиции буржуазии, предпочитавшей не бороться с абсолютизмом, а договариваться с ним о все новых уступках.

В этой связи можно согласиться с оценками А. Н. Медушевского — исследователя российского конституционализма начала XX века. Рассуждая об «особом

типе монархического конституционализма», возникшем на переломном этапе перехода от абсолютизма к тоталитарному государству, он все же считает, что «говорить о введении в России конституционной монархии как законченной формы правления было не вполне правомерно ввиду большого числа изъятий из законодательства в пользу монархического компонента политической системы. В лучшем случае, речь могла идти только о первых элементах дуалистического порядка правления в России» [11, с.42].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что несмотря на упорное противодействие каким-либо изменениям в государственном устройстве со стороны самодержавия, историческая неизбежность этих перемен к 1905 г. была совершенно очевидной. Неудачная русско-японская война, первая русская революция, позиция либерально настроенной части общества, в том числе и некоторых представителей правящей верхушки, все более настойчиво говоривших о необходимости введения в той или иной форме народного представительства, необходимость укрепления международного авторитета России — все это вынудило самодержавие пойти на уступки.

Манифест 17 октября 1905 г., стал не только важным этапом, но и своего рода итогом развития общественной мысли и попыток реформировать государственное устройство «сверху». Вместе с тем манифест 17 октября оказал огромное влияние на внутреннюю политику последнего царствования. И хотя основные положения манифеста подвергались антидемократическим поправкам, отменить его уже было нельзя. Россия вступила в новый этап своего конституционного развития.

Литература:

1. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 окт. 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. III. Т. XXV, № 26803 [Электронный ресурс] URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.html
2. Проект манифеста, составленный князем А. Д. Оболенским и привезенный им с собою на пароход. //Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 86.
3. Переписка Николая II с Марией Федоровной. //Красный архив. 1927., Т. 22. С. 166.
4. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1960. — 639 с.
5. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М.: Соцэкгиз, 1960. — 723 с.
6. Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849—1911 гг. / Комментар. и указ. имен сост. Б. В. Ананьичем и др. — М.: Мысль, 1991. — 719 с.
7. Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М.: Наука, 1975. — 338 с.
8. Дневники императора Николая II. / общая редакция и предисловие К. Ф. Шацкило — М.: Орбита, 1991. — 736 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 12., М.: Издательство политической литературы, 1968. — 576 с.
10. Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России XVIII- начала XX века. М.: РОССПЭН, 2010. — 640 с.
11. Медушевский А. Н. Конституционная монархия в России. // Вопросы истории, 1994. № 8. С. 30—46.
12. Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. М.: ТЕРРА, 1992. — 640 с.
13. Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной Думы. М.: Издательство Московского университета, 1962. — 320 с.
14. Черменский Е. Д. История СССР. Период империализма. М.: Просвещение, 1974. — 446 с.

Некоторые вопросы теоретико-правовых концепций мер государственного принуждения в Древнерусском государстве (XI–XII вв.)

Котова Светлана Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент;

Зорина Яна Игоревна, магистрант

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь)

В рамках данной статьи, автором исследуются некоторые теоретические аспекты системы применения мер государственного принуждения в Древнерусском государстве на рубеже XI–XII века. На основе анализа теоретических изысканий ученых рассматриваемого периода, делается общий вывод об обосновании применения государственного принуждения на данном этапе развития отечественного государства и права.

Ключевые слова: государственное принуждение, меры государственного принуждения, государственное принуждение в Древнерусском государстве.

Безусловным утверждением является то обстоятельство, что российская государственность, отечественная правовая система прошла весьма длительный путь в своем развитии и правовой эволюции, при этом многие этапы данного пути были противоречивы и зачастую проходили в условиях столкновения норм собственных (традиционных) правовых институтов и норм «земных» (заимствованных из права других государств). В этих условиях важно понять саму логику правовой эволюции отечественного права, исследовать сущность данного процесса. Именно это, как нам представляется, поможет нам более детально понять современную систему мер государственного принуждения, используемую в отечественном законодательстве [3, с. 98].

Отметим, что ученые-правоведы различных эпох в своих трудах затрагивали механизм развития и функционирования системы государственного принуждения в России. Данные ученые (каждый в отдельно взятом аспекте) в целом отразили основные вехи данного процесса и подвели определенные итоги, на момент написания своих работ. Так, идеи независимости русского государства, сильная княжеская власть обладающая достаточно эффективным (по меркам современников) аппаратом принуждения — это то, на что обращают многие авторы. К примеру, по мнению Л. А. Тихомирова: «Идея единоличного самодержавия на Руси до монгольской созрела настолько быстро, что уже при внуке Мономаха могла иметь такого представителя, как знаменитый Андрей Боголюбский». В дальнейшем же, по мере развития феодальных отношений в древнерусском государстве, усиление внешней опасности происходит постепенное пропагандирование единения русских земель (изначально центром выступал Киев, затем Москва) и дальнейшего уменьшения социального угнетения и эксплуатации, посредством совершенствования аппарата государственного принуждения [4, с. 229].

Первым серьезным политико-идеологическим трактатом, обуславливающим механизм государственного принуждения в древнерусском государстве стало «Слово о Законе и Благодати» (примерно середина XI века), автором которого выступил широкоизвестный на тот момент митрополит Илларион. В рамках данного трактата

автором исследовались вопросы касающиеся сущности государственной власти, ее происхождения, ее основные задачи и конечные цели функционирования. В качестве фундамента государственной власти митрополит Илларион видел божественную волю, которая и являлась основанием для применения мер государственного принуждения, которое в свою очередь должно быть обязательно основано на законе. Закон же устанавливался избранником Бога на Земле — князем. Отметим, что как исследователя Иллариона интересовали проблемы создания и функционирования праведного суда, который является одной из форм государственного принуждения по «Правде» (отметим интересный факт — понятие «оправдать» является современным вариантом древнерусского слова «оправдывать», которое в свою очередь является прямой отсылкой к древнерусскому законодательству). Наказание по митрополиту Иллариону определялось как: «воздаяние каждому по делам его» [1, с. 15–18].

После митрополита Иллариона проблемы государственного принуждения в политико-правовом контексте рассматривал Владимир Мономах. В частности, вступив на престол данный князь сразу же приступил к массивному законотворчеству, издав новые законодательные акты. Теоретическое же обоснование системы государственного принуждения Владимир Мономах изложил в своих трудах: «Поучение детям», «Послание Олегу Черниговскому» и «Отрывок», который условно принято называть «Автобиографией». Анализируя данные произведения в контексте настоящего исследования, мы можем отметить, что в целом Мономах разделяет и продолжает линию, установленную митрополитом Илларионом, относительно определения государственного принуждения как опосредованной Божественной воли, которая проявляется через правителя и законы издаваемые им. Отдельно Владимир Мономах на страницах своих трудов исследует вопросы организации и практики построения княжеской власти, характеризует ее объемы, устанавливает формат отношений между князем и подданными.

Прямо касаясь института государственного принуждения, Владимир Мономах отмечал, что последнее имеет различные цели в процессе правового регулирования

отмечал его объективный для любой национальной государственности характер. Владимир Мономах прямо указывал на то, что судебные функции должен осуществлять князь и делать это: «праведно, с милостью и избегая беззакония. Избавьте обиженного от руки обижающего, праведно судите сироту, оправдайте вдовицу не давайте сильным погубить человека». Мономах подчеркивал, что любой человек должен находиться под государственной защитой, в независимости от своего социального и общественного статуса. Касаемо проблемы смертной казни, Владимир Мономах абсолютно четко проводит мысль о ее неприемлемости: «Ни правого, ни виноватого не убивайте, и не повелевайте убить того, кто будет достоин смерти, ведь душу христианскую нельзя губить» [1, с. 52].

Литература:

1. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России. 2-е изд. — М., 2003.
2. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсесянца. 4-е изд. — М., 2004. — С. 288.
3. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. — М., 2010.
4. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — СПб., 1992.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, мы можем отметить, что уже в первые века существования отечественной государственности отдельными авторами предпринимается попытки теоретического обоснования механизма государственного принуждения. В целом мнения данных авторов сводится к единой парадигме — государственная власть обладает правом применения мер принуждения в отношении подданных на основании Божественной воли которая является первопричиной возникновения государства и пронизывает все сферы деятельности государства и общества. Высший исполнитель Божественной воли на земле — это глава государства («князь») которому принадлежат максимальные права по применению мер принуждения.

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Президент РФ в системе разделения властей

Ибрагимов Гүзель Шарафутдиновна, студент
Тюменский государственный университет

Перед предстоящими выборами Президента Российской Федерации общественность в лице представителей средств массовой информации, различных ученых и практиков поднимает такие актуальные вопросы как пределы полномочий Президента РФ и его место в системе государственных органов. Являются ли они всеобъемлющими? И каковы же все-таки границы его полномочий?

Ключевые слова: разделение властей, президент, полномочия, власть.

Before the forthcoming elections of the President of the Russian Federation, the public in the person of representatives of mass media, various scientists and practitioners raises such pressing issues as the limits of the powers of the President of the Russian Federation and his place in the system of state bodies. Are they comprehensive? And what are all the limits of his powers?

Keywords: separation of powers, president, powers, power.

Президент РФ занимает специфическое место в системе органов государственной власти. Можно сказать, что глава государства «стоит особняком» в данной системе власти. Для начала нужно отметить, что Президент РФ в соответствии с Конституцией РФ не входит ни в одну ветвь власти. Существуют определенные мнения по поводу места Президента РФ в системе органов власти. Сторонники первой концепции считают, что президентская власть рассматривается исключительно как исполнительная. Однако исполнительная власть в РФ осуществляется Правительством РФ во главе с премьер-министром. Сторонники второго подхода считают необходимым выделения новой ветви власти — президентской. Данный подход основан на том, что современные потребности общества и современные реалии говорят о необходимости отойти от жесткого разделения властей, ведь существовании разделения властей «в чистом виде» невозможно, в связи с динамичностью государства как механизма реализации полномочий субъектами. Выделение новых ветвей никоим образом не противопоставляется принципу разделения властей [2]. Особенностью правового положения Президента РФ является тот факт, что он инициирует деятельность федеральных органов государственной власти, а также обеспечивает их согласованное функционирование и взаимодействие. Президент РФ обладает правом законодательной инициативы, подписывает и обнародует принятые законодательным органом федеральные законы, также ему принадлежит право отклонить закон. В соответствии с Конституцией Президенту РФ принадлежит право определять основные направления как внутренней, так и внешней

политики государства. Это означает, что Президенту принадлежит право формулировать данные направления, однако реализация политики государства остается важной составляющей деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной властей [2].

Президент РФ имеет признаки всех ветвей власти. С законодательной — право законодательной инициативы, промульгация законов, право отклонения закона. С исполнительной — Президент РФ принимает участие в контроле за исполнением подписанных им законов. Также он имеет верховенство над исполнительной и судебной властью, ведь именно глава государства, в соответствии с Конституцией РФ, хотя и с согласия Государственной Думы, назначает Председателя Правительства РФ; принимает решение об его отставке; представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность судей Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ; назначает судей других федеральных судов. Необходимо отметить тот момент, что Президент РФ фактически обладает инструментом роспуска Государственной Думы РФ [1]. Да, это возможно при определенных условиях и в особых формах, однако это говорит нам о наличии сильной власти в руках главы государства. То есть Президент РФ самым активным образом влияет на деятельность органов государственной власти.

Важно отметить, что Президенту РФ дана возможность использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, а также между органами государственной власти субъектов РФ [1]. Здесь мы отмечаем, что глава государства выступают неким

арбитром, защищающим интересы, прежде всего, общества и государства в целом. Конституция возлагает на него задачу обеспечения единства государственной власти, осуществляемой законодательными, исполнительными и судебными органами. Анализируя Конституцию РФ, можно сказать о наличии достаточно широкого спектра реализуемых главой государства полномочий. Президент РФ является Верховным главнокомандующим. При этом он возглавляет Совет Безопасности, назначает высшее командование Вооруженных сил, представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Генерального прокурора РФ, председателя Центрального банка, федеральных судей и другие [1].

Однако первостепенная роль Президента РФ — это все же, координация деятельности органов государственной власти. Думается, что именно Президент РФ направляет внутреннюю и внешнюю политику государства, определяет наиболее значимые задачи, концепции развития государства, организует деятельность федеральных органов государственной власти, проводит согласительные процедуры при наличии разногласий между различными органами, является гарантом Конституции РФ. Однако глава государства никоим образом не является «всемогущим правителем», который сосредотачивает в своих руках всю власть, он не нарушает самостоятельности органов государственной власти. Хотя есть определенные спорные мнения по данному вопросу.

Президент РФ не только определяет лиц, которые будут в составе Правительства РФ: по предложению

Председателя Правительства РФ назначает на должность и освобождает от должности заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров, но и направляет поручения федеральным министрам, что является определенным противоречием при реализации разделения властей. О. Н. Тарасов считает, что Президент РФ настолько интегрирован в систему исполнительной власти, что он не может быть беспристрастным при конфликте интересов исполнительной и законодательной власти. Также он считает, что Президент, исходя из анализа его полномочий, фактически руководит Правительством РФ, что противоречит основным принципам демократического государства [2]. Также необходимо подчеркнуть, что Президент РФ фактически не несет конституционной ответственности за ненадлежащее выполнение своих обязанностей или другими словами полномочий. Ведь отрешение возможно только в случае совершения Президентом РФ государственной измены или иного тяжкого обвинения. Многие ученые выделяют и несовершенство института импичмента, невозможности его реального исполнения в связи с особым статусом «обвиняемого», который обладает «неприкосновенностью» [2].

Таким образом, Президент РФ — это координатор деятельности органов государственной власти, который осуществляет свою власть, реализуя принцип разделения властей. Однако институт президентства требует определенных изменений для того, чтобы разделение властей было реальным, фундаментальным, открытым.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ.
2. Тарасов О. Н. Особый статус Президента Российской Федерации в системе разделения властей. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view> (дата обращения: 07.09.2017)

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Методологическая ситуация в правоведении (современный аспект)

Амельченко Ирина Леонидовна, магистрант;

Научный руководитель: Широкопояс Юлия Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

Поскольку правоведение представляет собой совокупность наук, изучающих право во всех его проявлениях, рассмотрение ее методологии должно учитывать отраслевую дифференциацию науки о праве. Она представляется нам в следующем виде:

- 1) общетеоретические науки (теория и история государства и права, история политических и правовых учений);
- 2) отраслевые науки (конституционное право, административное право, гражданское право, уголовное право и др.);
- 3) межотраслевые науки (экологическое право, судостроительство и др.);
- 4) комплексные отрасли (информационное право, медицинское право и др.);
- 5) науки международного права;
- 6) наука сравнительного права;
- 7) прикладные юридические науки (криминалистика, криминология).

Методология права по своей сути представляет собой отраслевую методологию, разрабатываемую главным образом философией права. На основе общеправовой методологии методология права предлагает собственную систему исследования правовых объектов и не имеет принципиальных отличий от общеправовой научной методологии. Тем не менее методология права обладает и собственной спецификой, которая обусловлена особенностями объекта, функцией и целью познания [6].

Современная методология правоведения, как и методология любой науки, должна отражать соответствующий уровень общественного развития, происходящие социальные изменения, возникновение новых общественных явлений, их модификацию и приспособление существующих общественных процессов и явлений к новым социально-экономическим условиям. Основа юридической методологии — теория правопознания, то есть изучение феномена права как целостного социального института [11]. Принимая во внимание общеправовую трактовку термина методология, можно сказать, что методология правоведения включает в себя систему принципов, средств и методов познания, выработанных общеправовой методологией и правоведением.

Правопознание как основа юридической методологии предопределяет систему используемых исследователем принципов и методов, так как оно представляет собой направление науки, анализирующее природу, принципы и методы постижения права.

В методологии правопознания различают несколько его типов. Под термином тип правопознания понимают философско-юридические концепции, объясняющие право как целостное общественное явление, а также теоретико-методологический подход к формированию образа права.

К основным методам современного познания права в российской науке относятся:

- 1) сравнительный метод;
- 2) исторический метод;
- 3) метод анализа и синтеза;
- 4) социологический метод;
- 5) формально-логический юридический (догматический) метод — исследование и толкование нормативного материала, текстов источников права;
- 6) целостный (системный) метод;
- 7) частный (отраслевой);
- 8) описательный и объяснительный методы;
- 9) синтезаторский (интегративный) метод.

Специфичным для правоведения можно считать лишь формально-логический юридический метод. Одним из видов познания права является юридическое толкование (интерпретация), которое подразумевает раскрытие содержания закона и юридических норм. Оно включает в себя два элемента: уяснение и разъяснение [1].

Наука толкования юридических текстов получила название юридическая герменевтика. Толкование юридических норм происходит путем юридического анализа, который включает в себя анализ буквального текста, догматический анализ, социально-исторический (метаюридический) анализ предпосылок правовых актов. Ни один другой метод нельзя считать специфическим для правоведения, так как все они используются и другими науками, чаще гуманитарными.

В правоведении сравнительный метод обладает определенной спецификой, так как он подразумевает исследование государственно-правовых явлений различных обществ или сравнение этапов развития права в рамках

отдельно взятого общества, выявление общих закономерностей развития государственно-правовых явлений. При реализации системного подхода в юриспруденции ее приемами являются аналогия закона и аналогия права.

Точно так же специфика использования остальных методов в правоведении заключается лишь в особом предмете исследования. В определении специфики использования общеправовых методов. Важную методологическую функцию в познании права выполняет теория государства и права, поскольку она создает систему важнейших понятий и категорий, которая применяется во всех юридических науках и имеет основополагающее значение для юриспруденции в целом. Специфика методов отдельных юридических наук не означает их полного, абсолютного различия.

В. М. Сырых выделил общие черты юридических наук, которые:

- 1) основываются на едином, всеобщем диалектическом методе познания;
- 2) имеют общий родовый предмет исследования — закономерности функционирования и развития государственно-правовой надстройки как относительно самостоятельного компонента общественного бытия;
- 3) состоят в основном из одних и тех же элементов — совокупности общих, специальных и частных методов познания;
- 4) характеризуются единой последовательностью движения, развития научного познания, исходным пунктом, началом которого выступает социально-правовая практика, и соответственно последовательностью использования методов, приемов познания государственно-правовых явлений [9].

Современная методология правоведения предполагает выяснение специфики взаимосвязи права с различными философскими категориями и использование их для более глубокого осмысления происходящих в обществе процессов, событий, перемен, в том числе и в правовой сфере.

Теория в праве представляет собой совокупность положений, образующих науку, форму знания, в которой понятия, гипотезы и закономерности теряют свою автономность и становятся элементами системы. Теории выполняют следующие основные функции:

- обеспечивают исследователя её концептуальными структурами;
- стимулируют разработку терминологии;
- позволяют понимать, объяснять или прогнозировать проявления их объектов.

Теория, таким образом, выступает и как средство познания. Системный подход в правоведении отражает движение научной мысли, а следовательно, модифицируется и претерпевает определенные новации.

Так, одним из новых аспектов системного подхода в юридической науке является инструментальная теория права. Ее суть заключается в рассмотрении права как специфической системы юридических средств, объединяемых на отдельных участках правового регулирования в своеобразные

режимы, механизмы, обеспечивающие эффективное решение социально-экономических, политических, культурных и прочих задач [10].

Инструментальная теория — это универсальный методологический подход, позволяющий изучать разные явления правовой жизни. А. В. Малько и К. В. Шундилов связывают возможности инструментальной теории с особым методологическим характером категории «юридические средства».

В подкрепление целесообразности формирования такой теории исследователи приводят 10 доводов. Данное понятие, по их мнению, во-первых, позволяет обобщить все правовые явления, обеспечивающие практическую реализацию поставленных в законодательстве целей. Во-вторых, оно призвано обозначать функциональную, прикладную сторону правовой системы. В-третьих, это понятие является универсальным «строительным материалом» системы права. В-четвертых, определенное сочетание юридических средств в правовых режимах, методах правового регулирования придает специфику отдельным отраслям и институтам права. В-пятых, инструментальная теория права напрямую связана с практическими задачами правового регулирования. В-шестых, категория «юридические средства» позволяет четко определить место и роль юридических явлений в процессе поэтапной реализации юридических целей. В-седьмых, правовые средства создают общие, гарантированные государством и обществом возможности для усиления позитивных регулятивных факторов и одновременно для устранения препятствий, стоящих на пути упорядочения социальных связей. В-восьмых, проблема юридических средств в современных условиях приобретает особое значение для правотворческих органов субъектов Федерации. В-девятых, вопрос о юридических средствах актуален и применительно к развивающимся ныне институтам самозащиты и права граждан на защиту. В-десятых, система установленных в законодательстве качественных юридических средств выступает важнейшей характеристикой правовой культуры общества [8].

Термин картина мира используется в настоящее время большинством гуманитарных и многими естественными науками. Правовую картину мира определяют как вид гуманитарной картины мира, которая отражает «реальный процесс и результат воспроизведения, осознания и понимания человеком своей жизнедеятельности и деятельности как космического, физико-химического, биологического и социального существа» [5].

Термин правовая картина мира, вероятно, можно соотносить с давно устоявшимся в теории права термином правовая действительность, которая отражается в правовой картине мира и преломляется в системе права. В свою очередь, правовая действительность определяется как «все в мире правовых явлений» [2]. Всеобщая правовая картина мира формируется из функционирующих на современном этапе общественного развития национальных правовых систем. Национальная правовая картина обусловлена

системой и национальными особенностями права конкретного государства. Таким образом, познание правовой картины мира происходит в двух аспектах: как совокупности правовых систем и отдельных национальных правовых систем.

Учитывая факт существования международного права и возможности рецепции норм международного права национальным законодательством, а также определенные сходства национальных систем права, можно говорить о существовании универсальных элементов правовой картины мира, присущих всем или нескольким правовым картинам мира (термины и выражаемые ими понятия, принципы, нормы и д. п.) и специфических, характерных для правовой картины мира, сформированной законодательством конкретного государства. Синергетический подход в методологии юриспруденции — система взаимосвязанных методов и способов теоретического познания междисциплинарного характера, направленная на изучение взаимосвязей и результатов взаимодействия между элементами теории права, в результате чего научные правовые явления обосновываются и формируется новое знание. Таким образом, воспринимая синергетический подход, методология правоведения лишь уточняет его специфику сферой приложения такого подхода.

Современное право переживает процесс модернизации, вследствие которого изменяется и методология науки о праве. Под модернизацией права понимается такое качественное изменение существующей правовой системы, которое использует опыт правовых систем западного типа, одновременно сохраняя преемственность в развитии собственной правовой системы и, не разрушая ее органического единства, позволяет праву наиболее эффективно выполнить свое назначение в обществе [3], эволюционный, но достаточно быстрый процесс перевода права в качественно новое состояние, характеризуемое глубокой интеграцией информационно-коммуникационных технологий с правовыми процессами, путем создания юридико-технологических правотворческих и правореализационных механизмов, автоматизирующих создание и реализацию отдельных норм права или элементов норм права» [4].

Современный этап развития методологии юриспруденции, по мнению Ю. Е. Пермякова, характеризуется рядом проблем. Во-первых, необходима идентификация юридической науки и уяснение ее специфики. Во-вторых, происходит смешение философии, науки, морали и идеологии при обсуждении юридической проблематики. В-третьих, отсутствуют концептуальные основания для анализа событий и процессов, происходящих внутри самой юридической науки. В-четвертых, происходит процесс дезинтеграции современной теории права [12].

Первое и последнее утверждение спорны, так как, с одной стороны, право имеет довольно четкое отраслевое разграничение и каждая отрасль имеет свои предметы и объекты, системы понятий и терминов; с другой стороны,

множество одинаковых процессов и явлений действительности изучается разными науками, рассматривающими эти процессы и явления с точки зрения специфических категорий, целей, задач и т. д. этих наук. Право изучают множество юридических дисциплин, а также философия, антропология, история, культурология и другие обособленные отрасли общественного знания.

Средством модернизации в юриспруденции выступает рецепция права, которая иногда коренным образом меняет отдельные нормы и институты права. Проявление модернизации в юриспруденции предполагает масштабные заимствования. Примером процесса интеграции права может служить экстерриториальное применение права. В мире уже давно объективно действуют разные национальные правовые системы. В условиях интеграции социальных явлений, в частности таких, как «преступление» и «правонарушение», из одного государства в другое мы сталкиваемся с проблемой применения правоохранительными органами одной страны норм иностранного права. Это подразумевает придание юридического значения нормам права, принадлежащим иной правовой системе, нежели правовая система страны правоприменителя.

В юридической литературе выделяются шесть основных направлений теоретического обоснования применения норм иностранного права:

- 1) основания применения иностранного права видятся в прикрепленности правовых норм к предметам материального мира;
- 2) в основе придания иностранным правовым нормам юридического значения лежат обязательства государства, которые имеют не правовой, а морально-этический характер, а именно правила «международной вежливости»;
- 3) на государстве лежит обязательство по применению иностранного права, которое вытекает из общепризнанных норм международного публичного права;
- 4) придание иностранным нормам юридического значения является правом, а не обязанностью государства, которое при решении этого вопроса должно исходить из своих интересов — теория свободного подхода;
- 5) иностранное право как таковое не имеет характера права, поэтому для придания ему качества права необходима инкорпорация конкретных его норм в национальную правовую систему страны правоприменителя;
- 6) в теории взаимодействия национальных правовых систем, согласно которой международное взаимодействие национальных правовых систем объективно, оно выражается в том, что эти системы при регулировании социальных отношений в своих странах придают юридическое значение иностранным правовым нормам [13].

К правовой науке применимы в равной степени и эволюционное развитие, и революционные изменения,

обусловленные большими национальными и глобальными потрясениями. По этому вопросу существует несколько мнений. Ряд ученых полагают, что революционные смены парадигм наблюдаются в точных и естественных науках, а в гуманитарных науках смена парадигм — эволюционный процесс [7]. Другая группа ученых отмечает, что и гуманитарные науки могут испытывать на себе воздействие социальных революций, приводящих к революционным

преобразованиям [1]. Последняя точка зрения точнее отражает суть возможных изменений в правоведении, чему наше поколение уже было свидетелем в 90-е гг. XX в. Таким образом, методология правоведения является частью динамического целого — методологии науки в целом. Частные аспекты являются лишь уточнением общих методологических подходов к исследовательским задачам, обусловленным частно-отраслевыми интересами.

Литература:

1. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М.: Юридическая литература, 1993. 176 с.
2. Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
3. Белинков А. В. Модернизация права в России: теоретический анализ: дис. канд. юрид. наук. М., 1999. 23 с.
4. Голоскоков Л. В. Модернизация российского права: монография / под ред. А. В. Малько. М.: Проспект, 2006. 432 с.
5. Горячев А. П. Мировоззрение человека, его онтологические основания и функции в научно-исследовательской работе // Методологические и мировоззренческие основы научно-исследовательской деятельности. Волгоград: Изд-во Волгоградского педагогического ун-та, 1998.
6. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Современной гуманитарной академии, 2003. 521 с.
7. Кубрякова Е. С. Парадигма научного знания и ее современный статус // Изв. АН СССР. Сер. литер. и яз. 1994. № 2.
8. Малько А. В. Цели и средства в праве и правовой политике / А. В. Малько, К. В. Шундинов. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2003. 296 с.
9. Сырых В. М. Метод правовой науки (основные элементы, структура). М.: Юридическая литература, 1980. 176 с.
10. Сапун В. А. Инструментальная теория права в юридической науке // Современное государство и право. Вопросы теории и истории: сб. науч. тр. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1992.
11. Синюков В. Н., Синюкова Т. В. Проблемы обновления методологии юридической науки // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: межвузовский сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2007. Выпуск 2.
12. Пермяков Ю. Е. Юриспруденция как строгая наука // Юриспруденция в поисках идентичности: сб. статей, переводов, рефератов / под общ. ред. С. Н. Касаткина. Самара, 2010.
13. Тригубович Н. В. Теоретические основания экстерриториального применения права // Проблемы понимания права: сб. научных статей. Серия: Право России: новые подходы. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2007.

Развитие правового регулирования защиты чести и достоинства личности в Российской Федерации

Старичкова Людмила Ильясовна, магистрант

Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В соответствии с нормой статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь и достоинство, деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности [1].

В российском гражданском законодательстве определения понятия «честь» и «достоинство» не закреплены. В юридической науке авторы рассматривают

понятия «честь» и «достоинство» как морально-правовые категории. Белявский А. В. определяет «честь» как положительную оценку личности и ее действий обществом [2]. Достоинство личности рассматривается как самооценка своих личностных качеств, своего поведения, мировоззрения самим индивидом, субъективная категория.

Законодатель относит честь, достоинство, деловую репутацию к нематериальным благам [3], которые защищаются

законодательством Российской Федерации, и в том числе гражданским законодательством.

Особое развитие судебная защита указанных нематериальных благ получила после принятия в России Конституции 1993 г., а также вступления России в Совет Европы [4]. Тем самым в Российской Федерации закрепилось признание и выполнение международных принципов и обязательств, в том числе норм международного права на неприкосновенность частной жизни.

Институт защиты таких нематериальных благ как честь и достоинство, развивался с течением времени и «подстраивался» под развивающиеся общественные отношения на каждом этапе своего развития.

В дореволюционной России защита чести и достоинства сводилась к материальной ответственности: назначалась плата (штраф) за «бесчестье» или «вследствие личной обиды» [5].

В послереволюционный период гражданское право России не предусматривало специальных способов защиты чести и достоинства, и защита нематериальных благ сводилась к регулированию уголовным законодательством.

В советское время ученые-юристы признавали за судебной формой защиты большое значение: судебная защита была призвана обеспечить охрану нематериальных благ от неограниченного числа субъектов, в том числе средств массовой информации [6]. Законодатель советского периода закрепил судебную защиту нематериальных благ в нормах права.

Советский ученый Грибанов В. П. рассматривает в своей работе субъективное право на защиту лица, которое включает как право на обращение в компетентные государственные органы (судебные) за защитой своего нарушенного права, так и право на самозащиту [7]. Учение о самозащите гражданских прав в дальнейшем становится актуальным в складывающихся общественных отношениях.

Развитие средств массовой информации [8] привело к новому этапу развития института защиты нематериальных благ.

Первая редакция части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 [9] года содержит нормы, регулирующие защиту чести и достоинства личности при распространении порочащих сведений в средствах массовой информации. Так в соответствии с пунктом 2 статьи 152 указанной редакции Гражданского кодекса, если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. Гражданин, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации. При этом, гражданин вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда. Гражданское законодательство устанавливало судебную

защиту чести и достоинства, а если судебное решение не исполнялось, то на нарушителя мог быть наложен штраф в пользу государства.

Развитие защиты нематериальных благ и закрепление указанных норм в гражданском законодательстве связано с развитием средств массовой информации и действием Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» от 12.06.1990.

Статья 26 указанного закона закрепляла право гражданина требовать от редакции средства массовой информации опровержения опубликованных сведений, не соответствующих действительности и порочащих его честь и достоинство, а также право гражданина на публикацию своего ответа в том же средстве массовой информации.

Закон регулировал порядок опровержения сведений, порочащих честь и достоинство, место в печатном издании средства массовой информации, шрифт опровержения, срок опровержения, а также закреплял право гражданина обратиться в суд за защитой своих прав в течение 1 года со дня публикации.

Таким образом, законодатель уже в этот период предусмотрел такие формы защиты нарушенных нематериальных благ как судебную защиту и самозащиту.

Дальнейшее развитие средств массовой информации, а также сети Интернет способствовало изменению гражданского законодательства. Президиум Верховного суда Российской Федерации в Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации [10], подчеркнул, что в проводимой в Российской Федерации реформе гражданского законодательства были изменены правовые нормы о судебной защите нематериальных благ, устанавливающие более широкие средства правовой защиты для лиц, в отношении которых распространены сведения диффамационного характера, в том числе в сети Интернет.

В соответствии с частью 2 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, сведения, распространённые в средствах массовой информации, которые порочат честь, доброе имя и достоинство личности должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. При этом гражданин вправе требовать также публикации в средствах массовой информации и своего ответа.

Аналогичная норма включена в Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124–1 «О средствах массовой информации» [11]: гражданин вправе потребовать от редакции средства массовой информации опровержения сведений, которые не соответствуют действительности и порочат его честь, доброе имя, достоинство личности. При этом, редакция средства массовой информации обязана опубликовать опровержение порочащих сведений, если у нее не имеется доказательств, что оспариваемые сведения соответствуют действительности.

Законодатель в пункте 5 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляет право гражданина требовать удаления сведений — информации, порочащей

его честь и достоинство их сети Интернет, а также опровержение указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети Интернет.

Право гражданина на защиту чести и достоинства может быть реализовано как путем обращения в судебные органы, так и путем самозащиты (например, направление в редакцию средства массовой информации требования об удалении порочащей информации).

Таким образом, развитие и популяризация средств массовой информации и сети Интернет привели к изменению российского гражданского законодательства и совершенствованию правового регулирования защиты чести и достоинства личности.

Как мы видим правовое регулирование защиты чести и достоинства личности непосредственно связано с развитием общественных отношений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) N 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 29.07.2017) // «Собрание законодательства РФ». 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
2. Липин Д. Г. Честь или достоинство? Вопросы развития судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации [СПС «КонсультантПлюс» Версия 4015.00.09 © 1992–2016] /Д. Г. Липин// СПС КонсультантПлюс. — 2016.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) N 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 29.07.2017) // «Собрание законодательства РФ». 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
4. Фоков А. П. Судебная защита чести, достоинства и деловой репутации: история и современность [Текст] / А. П. Фоков // Судья. 2014. № 4. С. 22.
5. Там же. Ст. 23.
6. Малеев Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности [Текст] /Н. С. Малеев. М., 1965. С. 18.
7. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав [Электронный ресурс]//В. П. Грибанов// http://civil.consultant.ru/elib/books/1/page_1.html#1
8. Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» от 12.06.1990 № 1552-1// «Ведомости СНД СССР и ВС СССР». 1990. № 26. Ст. 492.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (редакция № 1 от 30.11.1994) // «Собрание законодательства РФ». 05.12.1994. № 32. ст. 3301.
10. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2016 г.
11. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 «О средствах массовой информации»// Российская газета. № 32. 08.02.1992. Ст. 2.

АВТОРСКОЕ ПРАВО И СМЕЖНЫЕ ПРАВА

Внесудебная защита авторских и смежных прав образовательных продуктов в сети Интернет

Валкирный Сергей Сергеевич, аспирант
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В настоящий момент в отечественном законодательстве с введением так называемого «антипиратского закона» была сделана попытка внедрения досудебных мер реагирования по защите авторских и смежных прав в Интернет-среде.

В настоящей статье затрагиваются аспекты правового положения образовательного контента в отечественной Интернет-среде. В работе рассмотрены особенности ограничения прав авторов в сфере образования в национальном законодательстве, а также международных положений, ограничивающих сферу действия прав авторов в сфере образования. Выявлена определённая юридическая коллизия, столкновение между нормативно-правовыми актами, регулируемыми одни и те же либо смежные правоотношения, которые способствуют отказу в реализации авторских и смежных прав с Интернет-среде по ряду оснований, что недопустимо.

Ключевые слова: авторское право, защита интеллектуальной собственности, дистанционные технологии, внесудебная защита авторских и смежных прав.

Владелец интеллектуальной собственности может контролировать и получать вознаграждение за ее использование, и это способствует дальнейшему новаторству и творчеству на благо всех нас, поэтому в научных исследованиях активно ведутся дискуссии относительно монетизации и коммерциализации образовательного процесса. Назначение авторского права позволяет создателям получать экономического вознаграждения за свои усилия и таким образом способствует будущей творческой деятельности и развитию новаторских идей, которые полезны для общества.

Интернет сделал границы для распространения произведений прозрачными. Сами произведения после оцифровки оказались в своеобразном зазеркалье, где меняются приоритеты и условия их использования. Между тем авторское право не проводит различия между использованием произведений в цифровом и материальном мире. В доцифровую эпоху авторское право сравнительно легко адаптировалось к технологическим изменениям путем распространения действия его норм на новые способы использования. Вместе с тем к качественному скачку, порожденному дематериализацией объекта права, нужно приспособиться с позиций охраны не только интересов правообладателей, но и интересов пользователей, настаивающих на устранении искусственных барьеров, повышающих стоимость транзакции при использовании произведений или препятствующих такому использованию. Самостоятельным фактором становится рост социальных ожиданий, порожденных возможностями Интернета и достижениями коммуникационных технологий [12].

В образовании активно внедряются дистанционные технологии обучения, которые реализуются на базе различных интерактивных площадок в Интернет-среде. Законодательством предусмотрено, что «образовательные организации обязаны заниматься экспериментальной и инновационной деятельностью, направленной на совершенствование научно-педагогического, учебно-методического, организационного и других видов обеспечения системы образования в форме реализации инновационных проектов» [5]. При этом должны быть «обеспечены соблюдение прав и законных интересов участников образовательных отношений».

Субъекты образовательного процесса — научно-педагогические работники, студенты и сами образовательные организации (учреждения) могут быть носителями авторского права. Образовательные организации (учреждения) являясь субъектами образовательного процесса в силу государственной регистрации, полученной лицензии и Устава вуза, являются правообладателями служебных произведений в силу закона или договора и им принадлежат только исключительные права. Соответственно, образовательная организация (учреждение) становится субъектом авторского права в момент перехода исключительных прав либо по закону (служебное произведение), либо по договору [10]. Предполагается, что объектом авторских прав в образовании будет некое произведение, которое обладает признаками объекта авторского права в соответствии со ст. 1259 ГК РФ целью которого является образование, т. е. при использовании данного образовательного продукта предполагается единый целенаправленный процесс

воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов (далее образовательный продукт).

Бесспорно, авторские права субъектов образовательного процесса должны быть обеспечены. Однако в образовательной Интернет-среде наблюдается определенный правовой нигилизм к образовательным продуктам, главная идея которого состоит в утверждении «свободного контента в сфере образования», подобно основному принципу «свободного программного обеспечения» в международной цифровой среде. Это обусловлена рядом причин. Во-первых, данная позиция лежит в основе международных положений и находит свое отражение конституционно-правовых положениях РФ доступа к произведениям науки, культуры и, а также право на свободный поиск, получение, производство и распространение информации любым законным способом, в силу ч.2, ч. 29 Конституции РФ. В качестве противовеса данной позиции выступает положение ч. 37 Конституции РФ, которая устанавливает «Интеллектуальная собственность охраняется законом».

Необходимо, подчеркнуть, что законодательство РФ предоставляет авторам и иным правообладателям (исполнителями, производителям фонограмм и др) различные способы защиты авторских и смежных прав не только путем признания определенных субъективных прав и установления правил их реализации, но и посредством обеспечения надежного механизма правовой защиты в случае их нарушения или оспаривания. В национальный правовой режим правоохранения авторских прав регулируют Конституция РФ, ГК РФ, ГПК РФ, КоАП РФ, УК РФ, а также ряд других законодательных актов [1–8].

В гражданском законодательстве можно выделить два уровня способов защиты гражданских прав. На первом уровне действуют такие способы, которые имеют универсальный характер и могут быть применены для защиты любого субъективного гражданского права в порядке ст. 1215, 151 ГК РФ [11].

Способы второго уровня защиты разработаны для защиты только определенных видов гражданских прав или для защиты от определенных нарушений в порядке ст.ст. 1250–1253 ГК РФ. В частности, защита осуществляется защита осуществляется, путем признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, компенсации морального вреда, публикации решения суда о допущенном нарушении. В случае, когда нарушение авторского права на результат интеллектуальной деятельности признано в установленном порядке

недобросовестной конкуренцией, защита может осуществляться также осуществляться и в порядке, установленном ст. 2 Федерального закона от 26. 07.2006 г № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Между тем применение положений ГК РФ о защите исключительных прав всегда вызывало серьезные проблемы. Это связано, как с краткостью соответствующих законодательных предписаний, так и с отсутствием правовых традиций разрешений споров, например, о взыскании компенсации за нарушение исключительного права, которые могли бы оказать благотворное воздействие на формирование необходимых юридических навыков. Следует подчеркнуть, что пресечение действий, нарушающих авторское право или создающих угрозу его нарушения, возмещение убытков, включая упущенную выгоду, в Интернет-среде имеет досочно-септический механизм [12]. Судебная практика РФ по применению о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака свидетельствуют о длительности рассмотрения подобных споров в суда, тогда как авторские права потерпевших в Интернет-среде продолжали нарушаться.

В 2015 году были введены внесудебные меры защиты авторских прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет». Правообладатель в случае обнаружения в Интернет-ресурсе, на котором без его разрешения или иного законного основания размещена информация, содержащая объекты авторских и (или) смежных прав, или информация, необходимая для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», вправе направить владельцу сайта в сети «Интернет» в письменной или электронной форме заявление о нарушении авторских и (или) смежных прав (далее — заявление).

Заявление может быть направлено лицом, уполномоченным правообладателем в соответствии с законодательством Российской Федерации. В случае, если заявление подается уполномоченным лицом, к заявлению прикладывается копия документа (в письменной или электронной форме), подтверждающего его полномочия (рисунок 1).

В случае обнаружения неполноты сведений, неточностей или ошибок в заявлении владелец сайта в сети «Интернет» вправе направить заявителю в течение двадцати четырех часов с момента получения заявления уведомление об уточнении представленных сведений. Указанное уведомление может быть направлено заявителю однократно.

В течение двадцати четырех часов с момента получения уведомления заявитель принимает меры, направленные на восполнение недостающих сведений, устранение неточностей и ошибок, и направляет владельцу сайта в сети «Интернет» уточненные сведения.

В течение двадцати четырех часов с момента получения заявления или уточненных заявителем сведений (в случае направления заявителю уведомления, владелец сайта в сети «Интернет» удаляет указанную информацию.

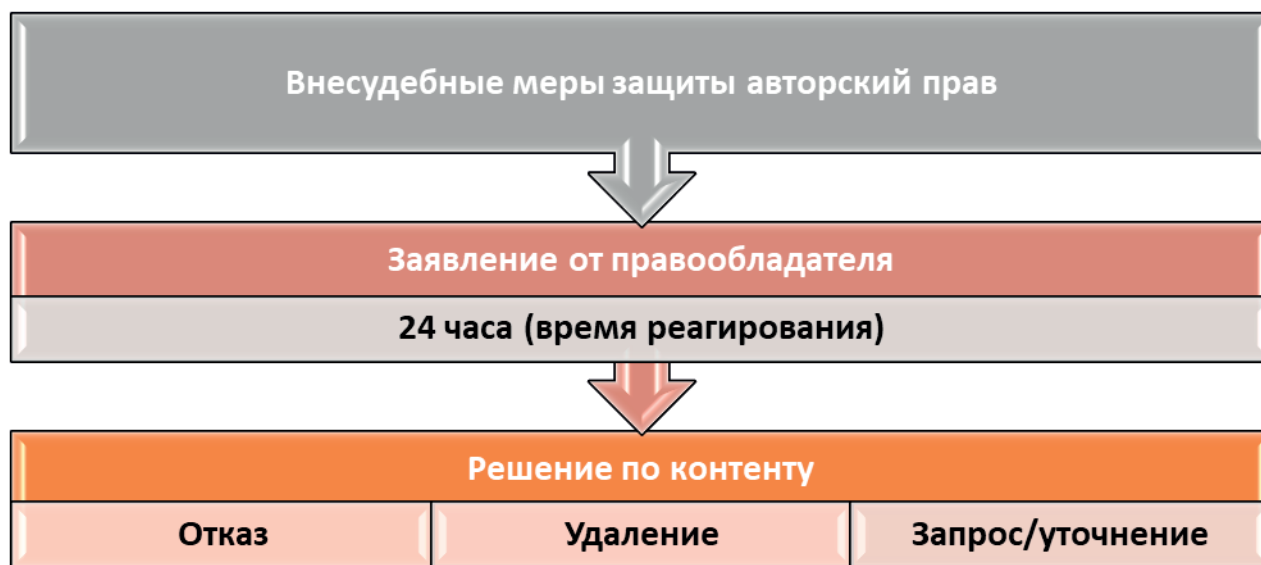

Рис. 1. Внесудебные меры защиты авторских прав

При наличии у владельца сайта в сети «Интернет» доказательств, подтверждающих правомерность размещения на принадлежащем ему сайте в сети «Интернет» информации, содержащей объект авторских и (или) смежных прав, или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», владелец сайта в сети «Интернет» вправе не принимать предусмотренные меры и обязан направить заявителю соответствующее уведомление с приложением указанных доказательств (Рисунок 1).

Собственники информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» в праве отказать заявителю в удалении спорного образовательного контента. Руководство для отказа служат некий правовой дуализм к охране авторских прав в образовательной среде.

Во-первых, объект охраны авторским правом в виртуальной реальности подлежит уточнению в зависимости от особенностей правового положения конкретного обладателя права и пользователя произведения [12]. В совокупности это составляет своеобразный копирайт места использования (copyright locus standi). Так как правообладатель и пользователь являются хозяйствующими субъектами в специфической сфере деятельности — образовании, то неизбежны определенные черты сходства между веб-сайтами (символы, графические изображения и проч.).

Во-вторых, различные компиляции сугубо фактических данных (справочники) охраняются авторским правом в том случае, если они соответствуют критерию оригинальности подбора и расположения (право составителя), либо на них распространяется право изготовителя базы данных, считающееся правом *suí generis*, которое применяется к базам данных в Европейском союзе [9].

В-третьих, согласно положениям Бернской конвенции: «законодательством стран Союза может разрешаться воспроизведение таких произведений в определенных особых случаях при условии, что такое воспроизведение

не наносит ущерба нормальному использованию произведения и не ущемляет необоснованным образом законные интересы автора» (ч. 2 ст. 9)». Эта международно-правовая норма служит ограничителем прав авторов в сфере образования в национальном законодательстве положений, ограничивающих сферу действия прав авторов в сфере образования. Такие ограничения будут соответствовать в тех случаях, если они отвечают трехэтапному тесту, заложенному в данной норме, что исключение или изъятие (1) оправдано особой потребностью, которой служит установленное изъятие; 2) не вступает в конфликт с нормальным использованием произведения; 3) неоправданно не ущемляет законные интересы авторов [10].

В-четвертых, наряду с этой своеобразной «общей частью» Бернская конвенция предусматривает определенные специальные случаи свободного использования произведений, в частности ст. 10 относит к ним цитаты и иллюстрации для обучения. В национальном законодательстве большинства стран предусматривается возможность безвозмездного использования значительной части произведения под видом цитаты. Авторы и правообладателей обычно интересует вопрос количественного измерения разрешения на справедливое использование или, если прибегнуть к российской терминологии, использования в объеме, оправдываемом целью цитирования.

В-пятых, до появления Интернета образовательные и научно-исследовательские организации, как правило, получали право на воспроизведение произведения, созданного в порядке служебного задания или выполнения обычных трудовых обязанностей, в аналоговой форме. Интересы работника и работодателя здесь диаметрально противоположны. Каждый из них заинтересован в том, чтобы позиционировать себя в качестве первичного правообладателя. Российское толкование понятия служебного произведения на современном этапе значительно ближе к американской концепции *work for hire*. Согласно американской модели

к работодателю в полном объеме переходят все имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в рамках выполнения служебной функции или поручения работодателя (в том числе и те, которые не были известны на момент создания произведения). Проблема становится еще более запутанной и неординарной в свете возможности глобального использования произведения в силу самого факта его появления или существования в цифровой форме. Существовавшие когда-то материальные ограничители на воспроизведение и распространение информации в цифровой форме все меньше способны оказывать эффективную поддержку защите авторских прав в Интернете [12].

В-шестых, право на цифровые копии книг и оцифрованный контент. Суды рекомендуют издательствам, владеющим традиционным контрактом на публикацию книг, не вставать в позу по поводу нарушения их прав при распространении электронной версии книг, а договариваться. Их позиция понятна. Хотя у издателей печатной продукции может не быть права на оцифровку текста, но права на оригинал-макет издания и справочный аппарат находятся у издателя бумажной версии. Вопрос об определении круга лиц, чьи права были затронуты оцифровкой, оказывается за пределами конфликта между издательствами [11].

К сожалению, удаление нелегального контента по заявлению правообладателя не всегда имеет место на практике — зачастую владельцы сайта не реагируют на подобные заявления. В таком случае правообладателю приходится обращаться в суд.

Таким образом, в настоящий момент процедура внесудебной защиты авторских прав в сети интернет достигло определенного прогресса. Законодателем была предпринята попытка внедрить досудебные меры защиты авторских прав. Между тем существенного административно-правового механизма не разработано.

Эти и другие причины лежат в основе многочисленных нарушений авторских прав в сети Интернет. При этом масштабы противоправной деятельности увеличивают такие факторы, как экстерриториальность сети Интернет и дальнейшее развитие технических возможностей, и глобализацию использования произведений [8].

Между тем у правообладателей нет действенного административно-правового ресурса воздействия нарушителя

авторский и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет». Образовательный контент обусловлен рядом специфических причин, которые затрудняют реализацию и защиту авторских прав в Интернет-среде.

Для реализации защиты права в рамках внесудебной защиты авторских прав в целом., предлагается законодательное решение вопроса о противодействии обходу блокировок начать с введения административной ответственности для владельцев сайтов за распространение информации о способах и методах обхода блокировок ввести п. 3 ст. 13.13 КоАП статью следующего содержания:

«Распространение сведений о способах получения информации, доступ к которой должен быть ограничен, — влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на должностных лиц — от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от двести тысяч до трехсот тысяч рублей».

Внесудебные меры защиты авторских прав в Интернет-среде направлены на оперативное реагирование и служит дополнительной гарантией государственной защиты прав и свобод, закрепленной статьей 37 Конституции РФ. Для усиления ввести реализации и соблюдения авторских и смежных прав в рамках внесудебной защиты, обязать правообладателей информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» руководствоваться нормами законодательства РФ в части реагирования и недопущения нарушения авторских и смежных прав, ввести п. 4 ст. 13.13 КоАП статью следующего содержания:

«Непринятия мер владельцем сайта, информационного ресурса в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» по удалению информации, нарушающей авторские и (или) смежные права, а равно как уклонение о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет».

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до одной тысячи рублей с конфискацией средств защиты информации или без таковой; на должностных лиц — от двух тысяч до трех тысяч рублей; на юридических лиц — от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) / Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.01.2016) / Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 28.12.2017) / Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) — ст. 146 / Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.01.2018) / Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. 19.12.2016)) / Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
7. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ/ Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
8. «О внесении изменений в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ГПК РФ» от 24.11.2014 № 364-ФЗ/ Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
9. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ (последняя редакция).
10. Всемирная декларация по интеллектуальной собственности от 26 июня 2000 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.rupto.ru/docs/interdocs/worldwide_declaration.
11. Бирюкова М. В., Чеботарева И. А. Основания возникновения авторских прав у субъектов образовательного процесса // Научное сообщество студентов XXI столетия. ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XXI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 6 (21). URL: [http://sibac.info/archive/guman/6\(21\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/6(21).pdf) (дата обращения: 01.11.2016)
12. Диденко Ю. М. «Журнал Суда по интеллектуальным правам», 16, июнь 2017 г. С. 95–104.
13. Щербак Н. В. Авторское право. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / Год: 2018 / Гриф УМО ВО.
14. Энтин В. Л. Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи), «Статут», М.
15. Официальный сайт Роскомнадзора <https://rkn.gov.ru>
16. Официальный сайт Суда по интеллектуальным правам <http://ipc.arbitr.ru>

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Особенности владения, пользования и распоряжения объектами совместной собственности супругов

Данилова Людмила Яковлевна, кандидат юридических наук, доцент;

Гринева Ольга Вячеславовна, старший преподаватель

Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

В статье исследуются особенности отношений, возникающих между супругами по поводу владения, пользования и распоряжения объектами общей совместной собственности. Авторы наряду с имущественными отношениями, выделяют возникающие между супругами и организационные отношения, в частности, при определении порядка владения, пользования и распоряжения общим имуществом. Проанализирована судебная практика по спорам по заключенным одним из супругов договорам аренды объектов недвижимости, включенных в общую собственность. Обращено внимание на сложившуюся данную судебную практику, которая, по мнению авторов, приводит к ограничению прав супруга по владению и пользованию объектом недвижимости, сданным другим супругом в аренду третьему лицу.

Ключевые слова: общая совместная собственность супругов, имущественные и организационные отношения, владение, пользование и распоряжение супругами объектами общей собственности, договор аренды.

Право общей собственности супругов представляет собой систему гражданско-правовых норм, регулирующих отношения между супругами, как юридически равными участниками, обладающими автономией воли и имущественной самостоятельностью, по поводу владения, пользования и распоряжения вещами, приобретенными ими в период брака на общие средства.

Законодатель в качестве законного режима имущества супругов устанавливает режим общей совместной собственности, что не исключает установления договорного режима (долевой либо раздельной собственности) (часть 1 ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], часть 1 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации) (далее — СК РФ) [2]. Например, на основании их соглашения, оформленного брачным договором (ст. ст. 40, 42 СК РФ) [2]. Правовой режим общей совместной собственности сохраняется и между бывшими супругами, если они не произвели раздел имущества, нажитого ими в период брака за счет их общих доходов. В этом случае имущественные отношения, возникающие между бывшими супругами, по поводу объектов общего имущества, будут регулироваться нормами ст. ст. 244, 253–255 ГК РФ [1].

Объектами общей совместной собственности супругов признаются как движимые, так и недвижимые вещи, приобретенные во время брака за счет общих доходов супругов, независимо от того, на имя кого или кем из супругов такие вещи были приобретены и на имя кого из супругов оформлены (часть 2 ст. 34 СК РФ) [2]. Брачным договором между супругами может быть предусмотрено иное. Каждый из супругов наделяется специфическими субъективными

правами и субъективными обязанностями в силу закона или брачного договора. Право общей собственности, как субъективное право, возникает у супругов на один и тот же объект (вещь).

В теории права общей собственности авторы выделяют «внешнюю» сторону отношений между сосособственниками и иными (третьими) лицами и «внутреннюю» сторону отношений между самими сосособственниками (двумя и более лицами, которые конкретно определены [3, С. 45–62]. По нашему мнению, для исследования правовой природы отношений общей собственности необходимо выделять не «стороны отношений», а объективно существующие две разновидности отношений (связей). Общая собственность формирует, во-первых, «внешние» отношения, возникающие между сосособственниками и третьими лицами. Во-вторых, «внутренние» отношения, которые складываются между самими сосособственниками, в частности, между супругами. Субъектный состав отношений общей собственности имеет свои особенности. Применительно к «внешним» отношениям субъектами являются, с одной стороны, сосособственники — супруги, как единое целое, но с множественностью лиц, и, с другой стороны, противостоящий им неопределенный круг обязанных лиц (каждый в отдельности). «Внутренние» отношения складываются между самими сосособственниками — супругами, при этом такие отношения включают в себя не только имущественные, но и организационные отношения.

В 60-е годы прошлого века О. А. Красавчиковым было высказано утверждение о существовании в предмете гражданского права организационных отношений [4,

с. 45–56], что создало предпосылку для выделения самостоятельного направления исследования в науке гражданского права [5]. По нашему мнению, в системе отношений общей собственности супругов наряду с имущественными отношениями имеют место отношения организационного характера. Хотя такие отношения прямо и не названы в ст. 2 ГК РФ [1] и в ст. 2 СК РФ [2] в качестве элемента предмета, но они объективно существуют и регулируются нормами как гражданского, так и семейного права. Например, отношения по организации порядка владения, пользования и распоряжения объектами общей собственности. В частности, названные отношения не обладают имущественным содержанием, их также нельзя отнести к личным неимущественным отношениям. Возникающие организационные отношения направлены на организацию в будущем имущественных отношений между супругами по поводу владения, пользования и распоряжения их общим имуществом, которое относится к объектам права собственности.

Между супругами по поводу объектов общей собственности (вещей) формируются отношения, которые нормы закона регулируют по-особому (ст. 256 ГК РФ [1], ст. ст. 33–35 СК РФ [2]). Супруги, как и иные субъекты отношений общей собственности, помимо традиционных правомочий владения, пользования и распоряжения, названных в ст. 209 ГК РФ [2], в силу закона обладают и иными правомочиями. В частности, между супругами возникают отношения по согласованию (организации) порядка содержания, владения, пользования и распоряжения общим имуществом, распределения плодов, продукции и доходов от использования общего имущества. Следовательно, возникающие между супругами отношения общей собственности имеют не только имущественный, но и организационный (неимущественный) характер. В данном случае не имеют значение основания возникновения таких отношений: в силу закона либо на основании брачного договора.

Отношения общей совместной собственности супругов имеют бездолевой характер, строятся на доверительных началах. Владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругами осуществляется по их обоюдному согласию, которое предполагается (часть 1 ст. 35 СК РФ) [2]. Закон непосредственно не регулирует отношения по организации такими сосособственниками порядка владения, пользования и распоряжения общим имуществом, предоставляя им право заключить соответствующий договор. Участники общей совместной собственности могут установить договорной режим общего имущества, согласовав (организовав) порядок осуществления ими своих правомочий.

Особое правило установлено для совершения сделок супругами в отношении вещей, имеющих режим общей совместной собственности. В частности, для распоряжения движимыми вещами одним из супругов достаточно изъясление им своей воли в момент фактического совершения сделки, при этом предполагается согласие другого супруга (часть 2 ст. 35 СК РФ [2]). Данное правовое предположение, рассматриваемое как презумпция, содержащаяся

в норме права, имеет значение при осуществлении супругами своего права на распоряжение объектами общей совместной собственности. Реализуя свои правомочия по распоряжению общим совместным движимым имуществом, каждый из супругов (сосособственник) вправе самостоятельно совершать сделки от имени другого (сосособственника). При этом возникают отношения представительства, имеющие специфику в том, что сделка, совершаемая одним из супругов, порождает единый объем прав и обязанностей как для представителя, так и для представляемого. Отношения представительства между супругами можно охарактеризовать как организационные [6, с. 37].

Закон устанавливает иные правила, если речь идет об объекте недвижимости, принадлежащем супругам на праве общей совместной собственности. Для совершения лично одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью, имеющей режим общей совместной собственности, необходимо нотариально удостоверенное согласие другого супруга (абзац 1 части 3 ст. 35 СК РФ) [2]. Такое согласие порождает организационные отношения между супругами, определяющими порядок распоряжения недвижимостью, как объектом общей совместной собственности. По своей правовой природе такое согласие одного супруга, как действие, направленное на возникновение прав и обязанностей у другого супруга, является односторонней сделкой.

Таким образом, в отношениях, возникающих между супругами по поводу владения, пользования и распоряжения объектами общей собственности, наряду с традиционно выделяемыми имущественными отношениями имеют место и отношения, имеющие организационный характер, на них распространяется действие норм как гражданского, так семейного права.

Следует отметить особенность законодательного регулирования отношений по передаче одним из супругов объекта общей собственности во владение и пользование третьему лицу, например, по договору аренды. Из анализа части 3 ст. 35 СК РФ [2] следует, что на заключение договора по передаче имущества во временное владение и пользование не требуется согласия супруга. Передача вещи в аренду не относится к реализации правомочия распоряжения ею. Как отмечается в судебной практике, на совершение сделок, не являющихся распоряжением общим имуществом супругов, хотя и требующих государственной регистрации, согласия в порядке ч. 3 ст. 35 СК РФ [2] не требуется, ст. 35 СК РФ — не применяется [7]. Передача имущества в аренду не направлено на распоряжение имуществом, не влечет прекращения права собственности, не влечет, в том числе, изменения режима общей совместной собственности супругов [7]. Действительно, передача супругом вещи в аренду юридически не относится к реализации правомочия распоряжения ею, но, по нашему мнению, такие действия все же ограничивают права другого супруга, не давшего своего согласия на совершение данной сделки. Ограничения касаются реализации такого правомочия,

как пользование вещью, относящейся к общему имуществу. При передаче вещи в аренду, к арендатору переходит правомочие пользования вещью (ст. 606 ГК РФ) [1], несогласный супруг юридически его лишается. Как можно защитить права такого супруга? Компромиссного решения данной проблемы в действующем законодательстве нет.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.01.2018) // СЗ РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301, Российская газета, № 238–239, 08.12.1994.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16, Российская газета, № 17, 27.01.1996.
3. См., например: Бабкин С. А. Владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в общей собственности супругов. М.: АО «Центр ЮрИнфорР», 2004. 68 с.
4. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 1 (серия «Классика российской цивилистики»). М.: Статут, 2005. 492 с.
5. См. подробнее: Кирсанов К. А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: Монография. Киров: Аверс, 2014. 143 с.
6. Невзгодина Е. Л. Представительство и доверенность по гражданскому праву России (Проблемы теории. Законодательство РФ. Вопросы правоприменительной практики) / Под ред. В. Л. Слесарева: Монография. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 547 с.
7. Определение Верховного Суда РФ от 24.06.2016 г. № 304-КГ16–369. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. № 3 (2016). Утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.10.2016 // Бюллетень ВС РФ. 2017. Июнь. № 6; Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 13.07.2012 г. № 33–6955 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=122825635605209127433125207&cacheid=7F0184FAA41CE39AE0CBF60D6DFF1552&mode=splus&base=SOSB&n=42148&rnd=0.09163987333180634#022918385787919904> (дата обращения 26.02.2018).

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

К вопросу о роли прокуратуры в противодействии экстремизму

Распутин Николай Валерьевич, магистрант
Иркутский государственный университет

В статье рассматривается деятельность прокурора в сфере противодействия экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, безопасность, прокуратура, правопорядок.

Общезвестно, что право, как объективное социальное явление, влияющее на формирование и функционирование политической системы, само по себе нуждается в специальной защите. Правоохранительная деятельность специализированных органов государственной власти, находящихся в эффективном системном единстве, — важнейшая функция государства [9, с. 49].

Прокуратура — это прежде всего правоприменительный орган, призванный в присущих ему формах, соответствующими методами и средствами обеспечивать через принятие властно-обязывающих актов и вовлечение в функционирование механизма государственного принуждения исполнение Конституции РФ и законов, добиваясь укрепления режима законности и правопорядка и поддержания общественной безопасности по различным направлениям, составляющим управление делами государства [8, с. 526–527].

Следует учесть тот факт, что и в демократичном обществе сталкиваются разнообразные социальные интересы. Но для демократических режимов характерна политика согласования интересов различных групп в обществе. Всякое нарушение принципа компромиссного согласования интересов общественных групп на основе общих интересов может привести к нарушениям и конфликтам. Такое согласование — сложный процесс, который не обеспечивается автоматически. Многое зависит от наличия в обществе глубоких демократических традиций, от уровня общей и политической культуры [10, с. 25].

Экстремизм — явление, имеющее одновременно политическую и правовую природу. Право и политика — два социальных феномена, исследование которых, исторически обусловлено, непрерывно актуально по сей день и имманентно объективным реалиям возникновения, развития, перспективам существования и трансформации их самих. Особая актуальность обозначенного вопроса подтверждается также отсутствием единого подхода к рассмотрению указанных дефиниций. Предлагаемое исследование не претендует на выявление и оценку всех или даже основных подходов, интерпретирующих и характеризующих соответствующие понятия [11, с. 35].

В предлагаемом контексте исследования, основанном на изучении ряда эмпирических материалов [12, 13, 14, 15, 16,], рассматривается социальная роль, основные направления деятельности прокуратуры в противодействии экстремизму.

Экстремизм в социальной среде затрагивает в первую очередь индивидуальные, групповые и обще социальные интересы, которые сами по себе, являются уникальным индивидуальным и социальным феноменом, и, одновременно, объектом правового регулирования. Теория интересов широко рассмотрена в ряде научных работ [17, 18, 19, 20, 21, 22] и может быть использована при исследовании роли прокуратуры в противодействии экстремизму.

В целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляет в письменной форме должностным лицам, а при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, руководителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона [3]. В случае невыполнения требований, изложенных в предостережении, лицо, которому было объявлено данное предостережение, может быть привлечено к ответственности в установленном порядке.

Общественному или религиозному объединению либо иной организации в случае выявления фактов экстремизма выносится предостережение в письменной форме о недопустимости такой деятельности с указанием конкретных оснований вынесения предостережения, в том числе допущенных нарушений.

В случае распространения через средство массовой информации экстремистских материалов либо выявления фактов, свидетельствующих о наличии в его деятельности признаков экстремизма, учредителю и (или) редакции (главному редактору) данного средства массовой информации выносится предостережение в письменной форме о недопустимости таких действий либо такой деятельности с указанием конкретных оснований вынесения предостережения, в том числе допущенных нарушений. Религиозные

объединения, средства массовой информации, а также распространение экстремистских материалов запрещается на территории Российской Федерации на основании заявления прокурора [5].

Решение прокурора о приостановлении деятельности организации в связи с их обращением в суд с заявлением о привлечении организации к ответственности за экстремистскую деятельность является основаниями для включения организации или физического лица в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму [4].

В случае обнаружения в сети «Интернет» информации, содержащей призывы осуществлению экстремистской деятельности прокуроры направляют требование в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такую информацию [1].

Основанием для проведения внеплановой проверки религиозной организации является поступление в федеральный орган государственной регистрации или его территориальный орган информации от государственных органов, органов местного самоуправления о нарушении религиозной организацией законодательства Российской Федерации в сфере ее деятельности и (или) о наличии в ее деятельности признаков экстремизма (терроризма), а также на основании требования прокурора о проведении внеплановой проверки в рамках надзора за исполнением законов по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям [6].

Особое внимание прокурорам приказано уделять обеспечению постоянного и эффективного надзора

за исполнением законодательства о межнациональных отношениях и противодействии экстремизму в деятельности органов государственной власти. В целях недопущения использования средств массовой информации, сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности организовать их мониторинг, а также установить постоянное взаимодействие с территориальными подразделениями федерального органа исполнительной власти, на которые возложены функции по контролю и надзору в сфере массовых коммуникаций.

При выявлении информационных материалов экстремистского характера обеспечивать проведение соответствующих исследований и судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования уголовных дел. При наличии положительных экспертных заключений своевременно решать вопрос о направлении в суды заявлений об установлении наличия в информационных материалах признаков экстремизма и признании их экстремистскими [2].

Прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним специализированным прокурорам совместное распоряжение Генерального прокурора, Министра внутренних дел и Директора Федеральной службы безопасности ставит во главу угла улучшить надзор за ОРД в сфере экстремизма, подготавливать документы по ликвидации организаций экстремистской направленности, шире использовать гражданско-правовые методы, внимательней следить за ходом расследования и поручать поддерживать государственное обвинение наиболее опытным прокурорам [6].

Можно сказать, что Прокуратура — это ключевой орган по противодействию экстремистской деятельности. Прокурорам приходится уделять внимания всему: религиозным объединениям, средствам массовой информации, кредитным организациям, участвовать в надзоре за ОРД и следствием.

Литература:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2006. — № 31 (часть I). — Ст. 3448.
2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 нояб. 2009 г. № 362 // СПС Консультант плюс.
3. О прокуратуре: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // Ведомости Верховного Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 8. — Ст. 366.
4. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2001. — № 33 (часть I). — Ст. 3418.
5. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.
6. О свободе совести и религиозных объединениях: федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 1997. — № 39. — Ст. 4465.
7. О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма: Распоряжение Генпрокуратуры РФ № 270/27р, МВД РФ № 1/9789, ФСБ РФ № 38 от 16 дек. 2008 // СПС Консультант плюс.
8. Конституционное право: учебное пособие / под ред. А. В. Юрковского. — Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. — 611 с.

9. Юрковский А. В. Органы прокуратуры в странах Северо-Восточной Азии: конституционно-правовой анализ // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 3–5. С. 49–55.
10. Юрковский А. В. Демократия и антидемократия как идеологические доминанты развития политических систем стран Северо-Восточной Азии // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 21–25.
11. Юрковский А. В. Право и политика // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4. С. 35–39.
12. Юрковский А. В. Политические партии в политических системах Стран Северо-Восточной Азии: учебное пособие / Федеральное агенство по образованию, Иркутский государственный университет, Юридический институт. Иркутск, 2006.
13. Юрковский А. В. Правоохранительные органы стран Северо-Восточной Азии. Генеральная прокуратура Российской Федерации, Иркутский ин-т повышения квалификации прокурорских работников. Иркутск, 2005.
14. Юрковский А. В. Конституционализм: системный подход к формированию универсальной политико-правовой категории // Сибирский юридический вестник. 2013. № 3. С. 20–28.
15. Юрковский, А. В. Конституционализм и политические системы в странах Северо-Восточной Азии: проблемы и перспективы: монография / А. В. Юрковский. — Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2013. — 231 с.
16. Юрковский, А. В. Роль международно-правовых отношений в процессе функционирования политических систем в странах Северо-Восточного азиатского региона / А. В. Юрковский; Иркутский юридический ин-т (фил.), Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Иркутск, 2007.
17. Юрковский А. В. Категории «нужда», «потребность», «интерес» в Монголии // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 3–2 (69). — С. 233.
18. Юрковский А. В. Категория «интересы» в конституционном праве Китайской Народной Республики // Академический юридический журнал. 2015. № 4 (62). — С. 44–52.
19. Юрковский А. В. Сравнительное исследование категории «революция» в конституционном праве КНР и КНДР. // Сибирский юридический вестник. 2016. № 1. — С. 132–141.
20. Юрковский А. В. Категория «интересы» в конституционном праве Японии // Академический юридический журнал. 2016. № 1 (63). — С. 46–52.
21. Юрковский А. В. Категория «интересы» в конституциях Корейской народно-Демократической Республики и Республики Корея: сравнительный анализ // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. — С. 163–166.
22. Юрковский А. В., Тугутова Д. А. Исследование правовой категории «интересы» во взаимосвязи с правовыми категориями «нужда» и «потребность»: на примере Российской Федерации и государств Северо-Восточной Азии // Современная научная мысль. 2016. № 2. — С. 254–264.
23. Юрковский А. В. Конституционно-правовой статус личности в государствах современного мира: сравнительный анализ // В сборнике: Научные труды. Российская академия юридических наук Москва, 2017. С. 355–363.
24. Юрковский А. В. Особенности конституционно-правового регулирования в государствах Северо-Восточной Азии // В сборнике: Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — VIII Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов. Ответственный редактор Ю. П. Гармаев. 2017. С. 90–91.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Отличие законных методов расследования преступлений от провокации

Некоз Аркадий Сергеевич, соискатель

Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье анализируются международные стандарты проведения скрытой полицейской операции и ее отличия от неправомерной провокации преступления. Доказывается, что провокация не может рассматриваться в контексте учения о соучастии в преступлении в качестве разновидности подстрекательских действий. Для ее оценки требуется введение в закон норм об ответственности за провокацию преступлений, тогда как оценки поведения спровоцированного лица должна осуществляться с использованием института неоконченного преступления.

Ключевые слова: практика международных судов, полицейская операция, провокация преступления подстрекательство к преступлению, покушение на преступление

Проблема провокации преступления соединяет в себя два взаимосвязанных аспекта: отличие законных методов расследования преступлений от провокации, с одной стороны, и оценка провокации в контексте учения о соучастии, с другой.

В первом случае именно нормы и принципы международного права сыграли значимую роль в формировании современной российской практики. Речь идет о многочисленных решениях Европейского Суда по правам человека, в которых определены исходные параметры законности и обоснованности негласных полицейских мероприятий и их отличие от недопустимой провокации преступлений.

Прежде всего, Европейский Суд допускает, что использование тайных агентов, внедряемых в криминальную среду с целью выявления преступников и пресечения преступной деятельности, может выступать оправданным и достаточно эффективным средством, используемым государством в деле борьбы с преступностью, в том числе с наиболее опасными ее формами — организованной преступностью, коррупцией, оборотом наркотиков. Применение специальных методов расследования, в частности, негласных, не может само по себе нарушать право на справедливое судебное разбирательство, однако опасность полицейской провокации в результате таких мероприятий предполагает, что их применение должно быть ограничено понятными рамками. Суд подчеркивает: «государственные интересы не могут обосновывать использование доказательств, полученных в результате полицейской провокации, поскольку применение таких доказательств подвергнет обвиняемого риску окончательно лишиться справедливого судебного разбирательства с самого начала».

Исходя из этих принципиальных позиций, на основе многочисленных решений Европейский Суд выработал свое представление о полицейской провокации. В деле

«Раманаускас против Литвы» он определил: «Полицейская провокация (в некоторых переводах этого решения используется термин «подстрекательство со стороны полиции») случается тогда, когда задействованные должностные лица, являющиеся или сотрудниками органов безопасности, или лицами, действующими по их указанию, не ограничивают свои действия только расследованием уголовного дела по существу неявным способом, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем чтобы сделать возможным выявление преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное дело».

Основные требования к правомерной тайной полицейской операции, а соответственно, и основные критерии ее отграничения от провокации, классифицируются на содержательные и процессуальные, и состоят, по мнению Европейского Суда в следующем:

- полицейская операция, в отличие от провокации, должна быть направлена на поимку конкретного лица, а не на любое лицо, которое бы согласилось бы совершить преступление («Худобин против России»);
- должны иметь место объективные подозрения в том, что лицо задействовано в преступной деятельности или предрасположено к совершению преступления («Ваньян против России»); если в прошлом заявитель и привлекался к уголовной ответственности, это само по себе не является признаком того, что в настоящем он осуществляет какую-либо преступную деятельность («Константин и Стоян против Румынии»);
- предварительная информация, касающаяся существующего намерения совершить преступление, должна быть проверяема («Раманаускас против Латвии»);

- порядок получения разрешения на проведение следственных действий, а также осуществления за ними надлежащего надзора должен быть ясным и предсказуемым («Ваньян против России»);
 - для проведения специальной операции власти должны располагать конкретными и объективными доказательствами, свидетельствующими о том, что имеют место приготовления для совершения действий, составляющих преступление, за которое лицо в дальнейшем преследуется («Раманаускас против Литвы»);
 - полицейская операция является правомерной, если оперативные сотрудники «присоединились» к совершению уголовно наказуемого деяния; следовательно, необходимо устанавливать, осуществлялись ли уже в момент вмешательства полиции преступные действия;
 - в любой негласной операции должно соблюдаться требование о проведении расследования «в основном пассивным способом»; это, в частности, исключает любое поведение, которое может расцениваться как давление, оказанное на заявителя с целью совершения им преступления, такое как инициативный контакт с заявителем, повторное предложение после первоначального отказа, настоятельные требования и др. («Веселов против России»); проводя разграничение между законным проникновением оперативного сотрудника и подстрекательством к совершению преступления, следует установить, вынуждался ли заявитель к совершению преступления, активную или пассивную роль выполняли лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, и им способствующие («Ваньян против России»);
 - обязанность доказать, что провокации не было, возлагается на органы, осуществляющие расследование; в отсутствие таких доказательств судебные органы должны исследовать фактические обстоятельства дела и принять необходимые меры для выявления истины, с тем, чтобы решить, имела ли место провокация («Банникова против России»);
 - любой доказуемый довод о подстрекательстве создает для судов обязанность рассмотреть его способом, совместимым с правом на справедливое судебное разбирательство; признание себя виновным не освобождает суд первой инстанции от обязанности рассмотреть утверждения о подстрекательстве («Раманаускас против Литвы»);
 - требования справедливости судебного разбирательства будут соблюдены только в том случае, если в распоряжении лица имелась эффективная возможность поднять вопрос о провокации в ходе судебного разбирательства по делу, посредством ли заявления возражения или иным образом («Лагутин против России»);
 - исключение из числа доказательств по уголовному делу данных о необоснованности проведения второго и последующего оперативного мероприятия и отмена основанных на них судебных решений не лишает лицо статуса жертвы, если суд не удостоверился в отсутствии признаков провокации в первом из серии проведенных оперативных мероприятий («Мамонтов против России»).
- Соблюдение этих международных гуманитарных стандартов делает полицейскую операцию, проводимую в соответствии с требованиями внутреннего российского законодательства обоснованным и правомерным мероприятием, направленным на противодействие преступности и защиту интересов личности, общества и государства. Соответственно, нарушение отмеченных стандартов и норм полицейской операции превращает последнюю в недопустимую провокацию (проблема нарушения законности и прав человека при проведении оперативных мероприятий, не связанная с провокацией, здесь по понятным причинам не исследуется). И в этом случае возникает вопрос о ее (провокации) правовой оценке.
- Как уже отмечалось, в самих переводах решений Европейского Суда сознательно или неосознанно, специальными используется два термина для обозначения исследуемого явления — «провокация» и «подстрекательство». Уже только один этот факт заставляет рассмотреть по существу вопрос о том, является ли провокация подстрекательством, совпадают эти явления или же обладают различной правовой природой.
- В нормах международного права ответа на этот вопрос не содержится. В отечественной литературе он вызывает дискуссию, уходящую корнями в далекое прошлое. Пожалуй, наиболее известным формальным поводом для нее можно признать определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 8 июня 1946 года, в котором было отмечено, что «лицо, спровоцировавшее другое лицо на совершение преступления, хотя и с целью последующего изобличения, должно отвечать как за подстрекательство к совершению преступления».
- Мнения юристов в оценке этого тезиса разошлись. Некоторые признают, что провокатор преступления — суть подстрекатель, тогда как спровоцированный на преступление — исполнитель. Другие же аргументируют иной подход, доказывая отсутствие объективных признаков подстрекательства в поведении провокатора и наличие различных, несовпадающих субъективных намерений. Исходя из этого специалистами формулируется вывод о том, что действия провоцирующего лица, не укладывающиеся в рамки соучастия, должны получить оценку посредством иных, специальных предписаний, либо в рамках института соучастия в качестве самостоятельного вида соучастных действий, либо в рамках самостоятельных норм Особенной части УК РФ как отдельный состав преступления.
- Рассматриваемая проблема (возможность признания провокации подстрекательством) осложняется наличием

в УК РФ самостоятельной статьи об ответственности за провокацию взятки или коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ) и одновременно отсутствием аналогичных норм об ответственности за провокацию иных преступлений (например, связанных с оборотом наркотических средств, при выявлении которых, как показывает практика Европейского суда по правам человека, проблема провокации проявляется крайне часто).

Направление в ее разрешении определил Пленум Верховного Суда РФ. В п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 г. от 09.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» сказано: «От преступления, предусмотренного статьей 304 УК РФ, следует ограничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа. Указанные действия совершаются в нарушение требований статьи 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено. Принятие должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (пункт 2 части 1 статьи 24 УПК РФ)».

Таким образом, с учетом положений действующего законодательства, высшая судебная инстанция признает, что провокация и подстрекательство — принципиально разные явления. При провокации взятки или коммерческого подкупа отсутствуют позитивные действия провоцируемого лица, что исключает само событие преступления с его стороны. Однако как только провоцируемое лицо выполнит действия, направленные на совершение преступления, провокатор «превращается» в подстрекателя.

Сознавая такой подход как данность, отметим, что он основан, во-первых, только на наличном уголовно-правовом

ресурсе (ст. 304 УК РФ), а во-вторых, на ограничениях, заложенных в существующей редакции ст. 304 УК РФ, использующей для обозначения провокации взятки оборот «попытка передачи». Следовательно, он по объективным причинам не может быть признан универсальным с тем, чтобы быть распространенным на случаи провокации иных преступных деяний.

Необходимость соблюдения единых стандартов в оценке поведения провокаторов предполагает, что потенциально можно воспользоваться одним из нескольких вариантов совершенствования закона и практики его применения:

- а) введение в закон общей нормы об ответственности за провокацию преступлений или нескольких специальных норм о провокации отдельных видов преступлений, содержательно аналогичных положениям ст. 304 УК РФ и, соответственно признания описанного выше подхода высшей судебной инстанции в качестве универсального;
- б) в ситуации, описанной в пункте «а» внести изменения в общее понятие провокации с тем, чтобы наличие преступных действий провоцируемого лица не исключало ответственности провокатора за самостоятельное преступление (ст. 304 УК РФ и ее возможные аналоги), но требовало оценки поведения спровоцированного как покушения на преступление;
- в) исключения из закона ст. 304 УК РФ, признания провокации формой подстрекательства к преступлению и признания провокатора и спровоцированного соучастниками.

Полагаем, что оптимальное решение проблемы провокации может быть основано на дальнейшем развитии идей С. Н. Радачинского и Б. В. Волженкина, и предполагает криминализацию на уровне общей нормы действий по провокации любого преступления и квалификации действий спровоцированных на преступление лица как покушения.

Таким образом, провокация преступления, к которой следует относить также и проведение специальной полицейской операции с нарушением установленных стандартов, не может рассматриваться в контексте учения о соучастии в преступлении в качестве разновидности подстрекательских действий. Для ее оценки требуется введение в закон общей нормы об ответственности за провокацию преступлений или нескольких специальных норм о провокации отдельных видов преступлений, причем таких, чтобы наличие преступных действий провоцируемого лица не исключало ответственности провокатора за самостоятельное преступление (ст. 304 УК РФ и ее возможные аналоги), но требовало оценки поведения спровоцированного лица с использованием института неоконченного преступления.

Литература:

1. Артеменко Н. В., Минькова А. М. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве России // Журнал Российского права. — 2004. — № 11.

2. Волженкин Б. В. Служебные преступления. — М.: Юрист, 2005.
3. Иванов В. Д. Провокация или правомерная деятельности // Уголовное право. — 2001. — № 3.
4. Ковалев М. И. Соучастие в преступлении: в 2 ч. Ч. 2. Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. — Свердловск: Б. И., 1962.
5. Кугушева С. В. Провокация преступления: проблемы уголовно-правовой квалификации // Российский следователь. — 2005. — № 10.
6. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. — М.: Госюриздат, 1961.
7. Право Европейской конвенции по правам человека / Харрис, О. Бойл, Уорбрик; пер. с англ. В. А. Власихин. — М.: Развитие правовых систем, 2016.
8. Пудовочкин Ю. Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика. — М.: РГУП, 2017.
9. Радачинский С. Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики. — Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2011.
10. Тищенко А. В. К вопросу об уголовной ответственности за провокацию преступления // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16.

Причины возникновения коррупции в государственных закупках

Прохоров Эрик Александрович, аспирант
Московский государственный областной университет

В данной статье раскрыта сущность понятия коррупции и коррупционных деяний. Определены основные виды коррупции в сфере государственных закупок и предложены меры по противодействию коррупции в этой сфере. В работе рассмотрены факторы возникновения коррупции в секторе государственных закупок, а также выделены институциональные искажения, которые вызывает коррупция на различных этапах закупочного цикла. В статье доказано, влияние конкуренция на уменьшение ренты, которую незаконно может присвоить поставщик, получив контракт на государственные закупки. Подчеркнута необходимость организации государственных закупок способом, который обеспечивает максимально эффективное расходование бюджетных средств путем закупки наиболее качественных товаров, работ и услуг для государственного сектора экономики по минимально возможным ценам (оптимальное соотношение «цена-качество» товара или услуги).

Ключевые слова: тендер, государственные закупки, коррупция, конкуренция, рента, контракт.

В первую очередь необходимо проанализировать понятия «государственные закупки» и «коррупция»

Сегодня не разработано общего толкования термина «государственные закупки». Исследованием его содержания занимались отечественные и зарубежные ученые. В экономической литературе, нормативной базе существуют такие определения закупок за государственные средства: тендер, конкурсные торги, торги, закупки, государственные закупки. Под ним подразумевают тендерные закупки.

Толкование термина «тендер» (от англ. Tender — официальное предложение) имеет много значений. В целом, тендер — это осуществление конкурентного отбора участников с целью определения победителя тендера согласно процедурам или объявления покупателем конкурса для продавцов с заранее определенными характеристиками.

Существует также несколько определений конкурса или конкурсных торгов, под которыми понимают способ размещения заказа на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, при котором заказчик тем или другим способом искусственно создает условия для конкурентной борьбы между участниками конкурса с целью выбора

наилучших условий приобретения необходимых товаров, работ, услуг [1, с. 67].

В целом в международном законодательстве закупки означают приобретение любыми способами товаров, работ или услуг.

В отечественном законодательстве используют термин «государственная закупка». При этом осуществление закупки одним заказчиком в интересах другого запрещается, кроме случаев осуществления закупки товаров на принципах межведомственной координации.

Как видим, определение международного и отечественного законодательства относительно трактовки государственных закупок является достаточно ограниченным [2, с. 245].

На основе вышеизложенного, мы разработали и предлагаем собственное определение экономической сущности понятия «государственные закупки», которое заключается в следующем: государственные закупки — это процесс заказа государственными органами товаров необходимых для их полного и эффективного функционирования, по объявленным условиям конкурса, предусматривающим исполнение всех поставленных заказчиками

условий для участников торгов в рамках добросовестной конкуренции.

В современной уголовно-правовой доктрине, несмотря на довольно широкое многообразие позиций по определению коррупции и ее проявлений, так или иначе сформировались три основных подхода применительно к характеристике сущности этого понятия.

Согласно первому подходу считается, что дать четкое, общепринятое определение коррупции невозможно фактически, поскольку существуют существенные культурные различия разных обществ. То, что в одной сообществе воспринимается негативно, в другой допускается или даже ожидается согласно деловой практике этой культуры. Кроме того, не существует четко определенного для всех правовых систем круга действий, которые признаются как коррупционные (концепция уместности) [10, с. 7].

Определение коррупции почти исключает невероятная диверсификация этого явления, то есть разнообразие его проявлений и форм. Также законодательное определение понятия «коррупция» не дает правоохранительным органам никаких дополнительных правовых средств относительно оснований юридической ответственности за коррупционные деяния.

Сторонники второго подхода, напротив, считают, что для успешного противодействия коррупции законодательное определение этого понятия является крайне необходимым. При этом коррупция рассматривается не как некое социальное явление, а как конкретное деяние, причем исключительно уголовно-правового характера.

В уголовно-правовом смысле коррупция определяется как общественно опасное деяние, посягающее на политическую и экономическую систему государства, и совершается путем злоупотребления должностным, служебным или общественным положением с целью получения не предусмотренных законом политических, должностных или материальных преимуществ.

В итоге отмечается, что отсутствие в уголовном законе такого специального состава преступления, как коррупция является существенной помехой эффективному противодействию этому явлению и одной из основных правовых причин коррупции.

С точки зрения сторонников третьего подхода, коррупция — это прежде всего социально-правовое явление, которое не может быть сведено к какому-то конкретному деянию и тем более криминализовано.

Коррупция в системе государственных закупок, как и в любой другой сфере, связанной с реализацией властных полномочий, распределением или перераспределением материальных ресурсов или денежных средств, явление не новое и приводит к колоссальным потерям для любой страны.

Попытки создать конкурентную среду на рынке государственных закупок, предотвращение проявлений коррупции в этой сфере, развитие добросовестной конкуренции декларируется украинской властью уже много лет. Обычно процесс

реформирования не должен ограничиваться принятием специальных нормативно-правовых актов, регулирующих государственные закупки. Он также требует налаживания работы и объединения усилий различных государственных органов, формирование процедур и механизмов управления, которые бы гарантировали равенство всех участников рынка.

Понимая рынок госзаказов как «организованный, обмен», следует заметить, что согласно определению Дж. Ходжсона, этот обмен содержит контрактные соглашения и изменение прав собственности, а рынок состоит из институтов и механизмов, призванных оказывать этим видам деятельности структуру, организацию и легитимность [1].

Институциональная теория рассматривает проблему развития контрактных отношений с учетом несколько более широкого спектра форм собственности. Вместе с частной собственностью исследуется также государственная и акционерная, учитывая их возможную эффективность по обеспечению рыночного обмена. Следует отметить, что государство при этом играет в экономической системе двойную роль. С одной стороны, государство является гарантом выполнения контрактов, а с другой — она наделена собственностью и сама является равноправным субъектом контрактных отношений.

Роль государства как субъекта контрактных отношений определяется, во-первых, масштабами государственной собственности в экономике, во-вторых, государственными расходами на все цели государственного хозяйствования, прежде всего, на покупку товаров, выполнение работ и оказание услуг для удовлетворения государственных нужд.

Механизм проведения процедур закупок товаров, работ и услуг за государственные средства, должен быть одним из ключевых элементов повышения эффективности государственной экономической политики и базироваться, в частности, на основе добросовестной конкуренции среди участников, максимальной экономии и эффективности, открытости и прозрачности на всех стадиях закупок, недискриминации участников, объективности и беспристрастности оценки предложений конкурсных торгов, а вместе с этим — предотвращать проявления коррупционных взаимоотношений.

В современных реалиях, стремясь максимизировать прибыль, каждый субъект рынка пытается избавиться от конкурентов, а рыночная система не имеет внутренних механизмов противодействия этой тенденции. Такой субъект рынка может получить преимущество благодаря доступу к эксклюзивному информационному источнику быстрее конкурентов. Учитывая это, информация приобретает рыночную цену и становится товаром, реализуемым на нелегальном рынке в результате введения коррупционных отношений и экономического шпионажа.

Использование механизма избрания поставщика в процессе закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд является фундаментальным фактором, определяющим эффективность всего процесса закупки. Во многих странах при организации процесса государственных закупок

отдается предпочтение конкурентным процедурам торгов. Предполагается, что благодаря конкуренции за контракт можно получить лучшую цену, чем с помощью другой процедуры.

Проведение заказчиком открытых торгов, к сожалению, также не является залогом честной конкуренции между поставщиками товаров, работ и услуг. Злоупотребления при проведении конкурсных торгов начинаются еще с момента предоставления информации о проведении торгов и подготовки тендерной документации. Наиболее распространенными из них являются:

- установление нечетких или слишком жестких квалификационных требований к участникам в документации конкурсных торгов;
- нечеткое, определение предмета закупки, не всегда позволяет составить правильное представление о потребительских характеристиках товара (услуг, работ), что закупается;
- искусственное сужение предмета закупки с указанием совокупности таких технических или других потребительских характеристик товара (услуг, работ), которым соответствует только один производитель.

Другая категория нарушений со стороны заказчика торгов — это процедурные нарушения в процессе их проведения и при оценке предложений, а именно:

- необоснованное отклонение предложений некоторых из участников конкурсных торгов;
- неправомерное определение победителя процедуры закупки;
- предоставление неполных, умышленно расплывчатых разъяснений относительно предмета и условий осуществления закупок в ответ на запросы заинтересованных лиц;
- раскрытие конкретному участнику торгов информации о количестве и идентичности поступивших;
- допущение к оценке предложений конкурсных торгов тех участников, которые не соответствуют требованиям документации конкурсных торгов;
- допущение к участию в торгах участников, которые являются подставными (односуточными) фирмами;
- фальсификации документации о проведении конкурсных торгов и др.

Процесс осуществления государственных закупок можно условно разделить на три основных этапа: подготовка заказа, размещения заказа и выполнения соответствующих контрактов. Каждый из этих этапов содержит риски возможной коррупционной деятельности.

При выборе конкурентных процедур следует принимать во внимание тот факт, что рост количества поставщиков служит причиной низких цен, а сговор между поставщиками, который в этих условиях становится возможным, наоборот, — к более высоким ценам [6].

Среди условий, благоприятных для заговора, можно отметить такие как — сравнительная однородность поставщиков, а также незначительное их количество [7].

Таким образом, если выполнять контракт способна незначительное количество поставщиков, им значительно легче договориться, скоординировать свои действия, а также выявить и наказать фирму, которая возбудила договоренность. Поэтому использование конкурентных процедур будет влечь низких цен в том случае, когда она сможет привлечь достаточное количество поставщиков, со своей стороны, определяется структурой розничного рынка.

С точки зрения эффективности государственных закупок проблемы могут возникать также и в ситуации, когда потенциальных поставщиков слишком мало, и когда их много.

При олигопольной структуре рынка, то есть когда на рынке присутствуют несколько крупных поставщиков, вероятность сговора растет, у фирм появляется возможность влиять на цену, так цены контрактов будут выше. И наоборот, если поставщиков мало, контракт может оказаться в руках фирмы, которая не может и не сможет предоставить необходимое количество товара по оговоренной в контракте цене, как за нехватки производственных мощностей, так и вследствие того, что небольшие фирмы испытывают больших затрат в случае изменения внешних условий.

Конкуренция среди поставщиков уменьшает ренту, которую поставщик может присвоить, получив государственный контракт.

С другой стороны, государственные органы, ответственные за контроль над проведением государственных закупок, могут рассматривать рынки с большим количеством поставщиков как сигнал о добросовестной конкуренции в сфере закупок, что служит причиной уменьшения интенсивности мониторинга за подобными процедурами и, соответственно, проявлений коррупционного поведения [8]. Кроме того, давление со стороны высоко конкурентного рынка может подталкивать фирмы к недобросовестному поведению, побуждая их давать взятки, чтобы выжить в конкурентной борьбе [9].

Сегодня вопрос государственных закупок является одной из наиболее острых проблем, вышла за рамки чисто экономической тематики. Ситуация в этой сфере остается неопределенной и конфликтной, причем все участники процесса государственных закупок отмечают их неэффективность, наличие многочисленных правонарушений.

Анализируя международный опыт, можно сделать вывод о том, что полностью искоренить коррупцию в секторе государственных закупок еще не удалось ни одной стране в мире, однако производимые базовые принципы, в некоторой степени позволяют минимизировать коррупционные риски в закупочном цикле.

Самым распространенным нарушением в сфере государственных закупок сегодня является несоблюдение принципа публичности и сроков объявления и проведения конкурсов, в почве которых лежат коррупционные взаимодействия. Однако важно отметить, что проблема не только в коррупции. Проблема также в эффективности государственного сектора вообще и эффективности управления процессом государственных закупок частности.

Важно, чтобы государственные закупки были организованы таким образом, который обеспечивает максимально эффективное расходование бюджетных средств путем закупки наиболее качественных товаров, работ и услуг для государственного сектора экономики по минимально возможным ценам (оптимальное соотношение «цена-качество» товара или услуги).

Очевидно, коррупционные практики, паразитирующих на недостатках рыночных и государственных институтов,

полностью искоренить невозможно. Следовательно, задача государственных органов заключается в том, чтобы ограничить и предотвратить негативным воздействиям, нейтрализовать их последствия, прибегая к совершенствованию правового регулирования; выработать подходы, связанные с организационной и личной мотивацией лиц, принимающих решения; способствовать развитию конкуренции, как со стороны поставщиков, так и со стороны заказчиков.

Литература:

1. Бальсевич, А. А., Подколзина, Е. А. Влияние структуры розничного рынка на цены государственных контрактов [Электронный ресурс]: препринт WP10/2013/02 / А. А. Бальсевич, Е. А. Подколзина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — (Серия WP10 «Научные доклады Института институциональных исследований»), — 35 с.
2. Гольшева В. Г. От закона к закону или некоторые замечания, касающиеся развития российского законодательства о закупках для государственных нужд (от XIX века до наших дней) / В. Г. Гольшева // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». — 2013. — № 2. — С. 5–11.
3. Гук Д. В. Проблемные аспекты борьбы со взяточничеством в сфере госзакупок / Д. В. Гук // Юридическая наука. — 2013. — № 1. — С. 46–50. — То же [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://elibrary.ru> для доступа к информ. ресурсам требуется авторизация.
4. Доронин С. Н. Госзакупки: законодательная основа, механизмы реализации, риск-ориентированная технология управления / С. Н. Доронин, Н. А. Рыхтикова, А. О. Васильев. — Москва: Инфра-М, 2013. — 232 с.
5. Amaral M., Saussier S., Yvrande-Billon A. Auction procedures and competition in public services: The case of urban public transport in France and London // Util. Policy. 2009. Vol. 17. № 2. P. 166–175.
6. Boehm F., Olaya J. Corruption in Public Contracting Auctions: the Role of Transparency in Bidding Process //... Public Coop. Econ. 2006. Vol. 77. № 4. P. 431–452.
7. Ivaldi M. The economics of tacit collusion / M. Ivaldi, B. Jullien, P. Rev, P. Seabright, J. Tirole // IDEI Work. — 2003. — 75 P.
8. Mauro P. The effects of corruption on growth, investment, and government expenditure: A cross-country analysis [Электронный ресурс] / P. Mauro. — Режим доступа <http://naDers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/WPIEA0981996.pdf>
9. Ohashi H. Effects of Transparency in Procurement Practices on Government Expenditure: A Case Study of Municipal Public Works // Rev. Ind. Organ. 2009. Vol. 34. № 3. P. 267–285.
10. Tanzi V. Corruption, Public Investment and Growth (International Monetary Fund working paper) [Электронный ресурс] / V. Tanzi, H. Davoodi. — Режим доступа: <http://wANAv.imf.or2/externaiypubs/ft/w pAvp97139.pdf>

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Правовое воспитание сотрудников уголовно-исполнительной системы

Никишкин Никита Максимович, курсант

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

На сегодняшний день в современной России от правового воспитания человека зависит будущее не только нашей страны, нашего народа, но и всемирной правовой системы. От неграмотности и незнания законов страдает всё большее количество граждан. Некоторые, в силу незаинтересованности в своих законных правах, даже не находят сил на их изучение потому, что им это ни к чему, а другие признают лишь полное беззаконие и не хотят мириться с мыслью, что в современном обществе правовоспитанный гражданин имеет достаточное количество преимуществ перед другими гражданами.

Правовое воспитание представляет собой целенаправленную деятельность государственных органов и обществственности, которая оказывает воздействие на правосознание, правовую культуру и поведение людей с целью выработки у них устойчивых ориентаций, на послушание закону и соблюдение норм права.

Целью правового воспитания выступает развитие правового сознания человека и учение правовой культуре общества в целом. Правовое воспитание является составным компонентом любой государственной структуры.

В своей статье, мы хотим рассмотреть правовое воспитание представителей закона, а именно — сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС).

На сегодняшний момент современное общество желает видеть в работниках уголовно-исполнительной системы людей, которые обладают пониманием социальной значимости своей деятельности, обладающими высокой культурой поведения и духовно-нравственными основами.

Высокий уровень правовой культуры сотрудника УИС выражается:

в знании действующих нормативных актов; уровне правосознания;

в осознании своих прав и должностных обязанностей, а также ответственности за несоблюдение служебных обязанностей; целенаправленной деятельности по пресечению и недопущению преступности. Каждый сотрудник УИС должен: «знать-уважать-соблюдать закон».

Деятельность сотрудников УИС призвана обеспечить выполнение основных целей, направленных на реализацию функций по принудительной изоляции осужденных от общества, их исправление и профилактику совершения ими

новых преступлений. Это возможно лишь при соблюдении режима содержания, которым устанавливаются определенные запреты и правила поведения, обязательные для исполнения осужденными. Девиантное поведение со стороны осужденных порождает законную реакцию со стороны персонала исправительных учреждений — применение физической силы или специальных средств, а при нападении на сотрудников, побегах из исправительных учреждений — применение огнестрельного оружия. [3]

Применительно к деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы правовое воспитание представляет собой целенаправленную деятельность руководителей, начальников структурных подразделений, сотрудников воспитательных подразделений, наставников, кадровых служб и иных субъектов образовательного процесса по формированию правового сознания, по выработке правовых убеждений, привитию навыков правомерных действий у сотрудников, развитию у них необходимых профессиональных качеств и формированию высокой правовой культуры. [2]

К основным задачам правового воспитания сотрудников УИС:

- а) приобретение сотрудниками нормативно-правовых знаний как необходимом условии соблюдения законности;
- б) формирование отношения к правовым требованиям, приводящего к осознанным убеждениям сотрудника в правильности и необходимости принятых правовых предписаний;
- в) привитие осознанных, основанных на нормативных правовых актах действий, которые сотрудник правоохранительных органах воспринимал бы как должные в силу того, что формальная необходимость выполнять закон перешла в его внутреннюю потребность. [1]

Одновременно с формированием правового сознания у сотрудников уголовно-исполнительной системы необходимо развивать навыки правомерного поведения при выполнении своих служебных обязанностей, а также соблюдение требований законности. Путем воспитательного воздействия на правовое сознание, через психолого-педагогические и организационно-правовые средства можно

повысить правовой уровень культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы.

В ходе воспитательного процесса сотрудникам УИС повседневно необходимо прививать уважение к знаниям Конституции Российской Федерации, законам, Указам

Президента, уставам, приказам и инструкциям, регламентирующих их деятельность и других нормативных правовых актов, за нарушение которых может наступить юридическая ответственность.

Литература:

1. Борисова С. Е. Педагогика в деятельности сотрудников ОВД // Курс лекций. — Орел., 2011. — 160 с.
2. Степанкин И. А. Актуальность воспитательной работы в органах внутренних дел [Текст] / И. А. Степанкин // Воспитание и обучение: теория, методика и практика: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 08 мая 2015 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. — С. 28–29.
3. Юнусов А. А., Юнусов С. А. Проблемы правовой активности и правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы России [Текст] // А. А. Юнусов. С. А. Юнусов // Правовая культура правоприменения. — 2015. С. 65.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Вступление нормативного правового акта в силу в Республике Беларусь

Хаткевич Наталья Александровна, студент
Белорусский государственный экономический университет (г. Минск)

В современных условиях нормативно-правовые акты достаточно быстро вступают в силу и прекращают свое действие и необходимо иметь четкое представление о данных моментах. Вышеуказанные знания являются весьма важными для практикующего юриста, которому необходимо достоверно точно знать вступил ли в силу акт законодательства, прекратил ли он свое действие, это знание позволяет установить какой нормативно-правовой актом необходимо использовать на определенный момент.

Нередко, в практической деятельности, с определением данных моментов могут возникать определенные трудности. Оптимальным вариантом является случай, когда момент вступления в силу либо прекращения действия нормативно-правового акта прописан непосредственно в самом документе. Однако бывают случаи, когда точная дата не устанавливается, тогда момент вступления в силу нормативного правового акта определяется на общих основаниях, определенных в законодательстве. Рассмотрим законодательно установленные случаи вступления в силу подробнее.

Нормой части третьей статьи 7 Конституции Республики Беларусь предусмотрено, что нормативные акты государственных органов публикуются или доводятся до всеобщего сведения иным предусмотренным законом способом [1].

При этом официальным опубликованием является доведение правовых актов до всеобщего сведения путем воспроизведения их текстов в полном соответствии полном соответствии с подписанными оригиналами на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь с 01.07.2012 является единственным официальным источником опубликования правовых актов, которые зарегистрированы в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь. Датой официального опубликования правового акта, включаемого в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, считается дата его размещения на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь.

Вышеописанный порядок опубликования является единственным официальным на данный момент, опубликование в иных средствах информации является неофициальным. Так, нормативные правовые акты могут быть обнародованы в периодических печатных изданиях, которые являются официальными:

- 1) сборник правовых актов «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь»;
- 2) газета «Советская Белоруссия» (решения республиканского референдума, декреты, указы, распоряжения Президента Республики Беларусь, межгосударственные и межправительственные договоры, постановления пленума Верховного Суда);
- 3) газета «Звезда» (законы Республики Беларусь, постановления Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, международные договоры (на белорусском языке);
- 4) газета «Народная газета» (законы Республики Беларусь, постановления Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, международные договоры (на русском языке);
- 5) газета «Рэспубліка» (постановления Совета Министров Республики Беларусь, распоряжения Премьер-министра Республики Беларусь, нормативные правовые акты Национального банка, Комитета государственного контроля, Следственного комитета, Управления делами Президента Республики Беларусь, Национальной академии наук Беларуси, министерств и иных республиканских органов государственного управления, международные договоры Республики Беларусь межведомственного характера);
- 6) периодические печатные издания, определяемых областными и Минским городским Советами депутатов, областными и Минским городским исполнительными комитетами, местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами базового территориального уровня.

Знание даты официального опубликования нормативно-правового акта является существенным условием определения момента вступления данного акта в силу, поскольку законодательством установлено, что нормативные правовые акты вступают с силу через определенный промежуток времени после их опубликования.

Статьей 65 Закона Республики Беларусь О нормативных правовых актах Республики Беларусь установлены основные моменты определения общего порядка

вступления нормативных актов в силу, кроме случаев, когда в самих актах установлен иной срок вступления в силу [2].

Через десять дней после официального опубликования вступают в силу Декреты Президента Республики Беларусь и законы Республики Беларусь.

Со дня их принятия вступают в силу Постановления палат Парламента — Национального собрания Республики Беларусь.

После официального опубликования вступают в силу нормативно-правовые акты, касающиеся прав, свобод и обязанностей граждан, индивидуальный предпринимателей и юридических лиц, если иной порядок не определен законодательством.

Со дня включения в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь вступают в силу Указы Президента Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь и иные нормативные правовые акты, кроме случаев, перечисленных выше.

На первый взгляд кажется, что правила действия нормативно-правовых актов во времени являются достаточно простыми (внимание следует обращать на момент вступления в юридическую силу и на момент утраты юридической силы, иногда возможна обратная сила нормативно-правового акта, переживание его действия) на практике периодически возникают достаточно запутанные ситуации, выход из которых иногда приходится искать высшим судебным инстанциям [4].

В связи с этим, точка зрения С. А. Калинина, который считает целесообразным унификацию подходов к опубликованию и вступлению в силу нормативных правовых актов, приведя все к тому, что все нормативные правовые акты

вступают в силу через десять дней после их официального опубликования если иное не предусмотрено законодательными актами [3]. Данная унификация позволит избежать путаницы и неразберихи при определении момента вступления нормативно-правового акта в силу.

Исходя из анализа законодательных актов и учебной литературы по данной тематике можно сделать вывод, что для каждого акта нормативного характера существуют свои особенности вступления в силу и обнародования. На практике, при применении конкретной нормы права необходимо учитывать названные особенности и применять их на практике. Поскольку непосредственно от правильности использования и применения указанных знаний на практике, будет зависеть результат.

Как следует из анализа правоприменительной практики, оптимальным вариантом является случай, когда в самом нормативно-правовом акте указывается порядок и срок вступления в силу акта, при этом это может осуществляться по частям. Таким образом, несмотря на достаточно простой, на первый взгляд, порядок вступлению нормативных правовых актов в силу следует в этих моментах быть внимательным и следить за всеми изменениями в данной сфере. Поскольку, как уже отмечалось выше, различия в моменте вступления в силу нормативных правовых актов в зависимости от их вида, составляют дополнительную сложность. Исходя из этого, точка зрения, кающаяся унификации определения данного момента, является достаточно разумной и обоснованной. Это позволит избежать сомнений относительно момента вступления в силу, если такой срок не указан в самом акте, что так же является одним из самых простых способов определения начала действия законодательного акта.

Литература:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — 10-е изд., стер. — Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. — 62 с.
2. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
3. Калинин, С. А. Об официальном опубликовании нормативных правовых актов в Республике Беларусь / С. А. Калинин // Право.by. — 2010. — № 1. — С. 163–167.
4. Лазарев В. В. Теория государства и права: Учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень. — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2011. — С. 380–387.

Научное издание

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

IV Международная научная конференция

г. Самара, март 2018 г.

Сборник статей

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е. А. Шишков*

Верстка: *О. В. Майер*

Подписано в печать 24.03.2018. Формат 60x90 ¹/₈.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 6,0. Тираж 300 экз.

Издательство «Молодой ученый», г. Казань

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый»

420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.